Серия Minima

Ричард Барбрук

Интернет-революция

13

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Добро пожаловать в овеществленное прошлое виртуального будущего! В этой книжке помещены два эссе, написанные в 1990-е годы, когда Сеть только-только превратилась в существенный элемент повседневной жизни. Сегодня для нас, граждан постиндустриального общества, настолько естественно обмениваться информацией по компьютерной сети с людьми в любой точке мира, что мы об этом даже не думаем. Для двадцатилетних студентов Университета Вестминстера, где я преподаю, Сеть – нечто такое, что было всегда. Это поколение не представляет, как родители вообще ухитрялись общаться и работать, делать покупки и заниматься политикой без компьютеров, ноутбуков, планшетов и смартфонов».

- Ричард Барбрук
  -
  - Предисловие
  - Интернет-революция: от капитализма доткомов к кибернетическому коммунизму
    - Сова Минервы вылетает в сумерки
    - Калифорнийская идеология
    - Киберкоммунизм: что американцы готовят на смену капитализму в киберпространстве
    - Литература
    - Респект
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104

- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122

Ричард Барбрук
Интернет-революция: от капитализма доткомов к кибернетическому коммунизму

© Richard Barbrook, 2015
© Елена Мариничева, Леонид Левкович-Маслюк, перевод, 2015
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015
© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Foundation, 2015

Richard Barbrook. The internet revolution.
Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Музея современного искусства «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс».

Предисловие

Д-р Ричард Барбрук (Richard Barbrook) – левый интеллектуал, основатель Школы гипермедиа в лондонском Университете Вестминстера и лидер авангардного коллектива ученых, художников и дизайнеров под названием «Классовые военные игры» (*Class Wargames*), известного своими стратегическими игровыми акциями в духе «Военной игры» Ги Дебора.

В своих многочисленных книгах и статьях Барбрук исследует новые медиа и социологию цифрового мира, занимается «интеллектуальной археологией» и «историей будущего». В книге «Воображаемое будущее» (2007) он показал, как идеи постиндустриального общества, всемирной деревни и всемогущества высоких технологий возникали в ответ на идейный вызов советского коммунизма. В 2008 году эта книга была отмечена премией имени Маршала Маклюэна.

Вошедшая в настоящий сборник статья «Калифорнийская идеология» (1995) принесла широкую известность авторам (Барбруку и Энди Кэмерону) благодаря остроумной критике неолиберальной идеологии и политики журнала *Wired*, «еженедельной библии» виртуального класса Соединенных Штатов. Замечательно, что совсем недавно, в январе 2014 года, знаменитый Брюс Стерлинг, создатель жанра киберпанк и давнишний колумнист *Wired*, вдруг взял и написал в своем блоге на сайте этого журнала: «Это сочинение [„Калифорнийская идеология“]… сегодня выглядит куда более современным, чем иные критические отзывы, которыми была встречена его публикация».

В другой статье сборника, «Киберкоммунизм», Барбрук проводит парадоксальную параллель между развитием цифрового общества и бизнеса в интернете, с одной стороны, и сталинскими догмами построения социализма с другой.

Специально для русского издания Барбрук написал предисловие «Сова Минервы вылетает в сумерки». В нем он рассказывает об истории создания этих двух статей, знакомых всем, кто пишет и думает о развитии цифрового общества. Со своей обычной иронией он комментирует собственные идеи 15–20 летней давности и находит их неожиданные проекции на ту реальность, в которой мы живем сегодня – «от Мосула и до Донецка».

Леонид Левкович-Маслюк

Интернет-революция: от капитализма доткомов к кибернетическому коммунизму

Посвящается Энди Кэмерону
1959–2012
Другу, коллеге, вдохновителю

Кампаньеро Президент сказал: «Правительство – это народ».

Желания народа должны быть известны правительству постоянно.

Реализовать их поможет технология, принадлежащая всему народу.

Стаффорд Бир. Мозг фирмы

Сова Минервы вылетает в сумерки

…У нас нет будущего. В отличие от наших предков, которые верили, что оно у них есть. Наши прадедушки могли спрогнозировать мир будущего, исходя из того, как выглядело их настоящее. Но сейчас все изменилось. Развернутые социальные прогнозы – это для нас недоступная роскошь; наше настоящее стало слишком кратким, слишком подвижным, и прогнозы на нем не могут устоять.

Уильям Гибсон.
Распознавание образов

[1]

Добро пожаловать в овеществленное прошлое виртуального будущего! В этой книжке помещены два эссе, написанные в 1990-е годы, когда Сеть только-только превратилась в существенный элемент повседневной жизни. Сегодня для нас, граждан постиндустриального общества, настолько естественно обмениваться информацией по компьютерной сети с людьми в любой точке мира, что мы об этом даже не думаем. Для двадцатилетних студентов Университета Вестминстера, где я преподаю, Сеть – нечто такое, что было всегда. Это поколение не представляет, как родители вообще ухитрялись общаться и работать, делать покупки и заниматься политикой без компьютеров, ноутбуков, планшетов и смартфонов. Неудивительно, ведь само «я» у них построено на фундаменте цифровой идентичности. Они влюбляются – и оповещают мир об этом через новый статус в фейсбуке. Если нужно написать сочинение, первым делом лезут в Википедию. Свою ярость из-за политического кризиса выражают ураганом протестных твитов. Захотели посмотреть кино – скачивают его с БитТоррента. Идут на вечеринку с друзьями, и прямо оттуда рассылают смешные фотки через *SnapChat*. Появился новый музыкальный стиль? Знатоков и мастеров этого стиля легко найти на *SoundCloud*. Друзья и родственники живут в дальних странах? Не беда, они всегда на связи по скайпу. Тот, у кого электронный адрес не менялся с двенадцати лет, не может воспринимать Сеть как чудо техники, сказала одна из моих студенток. Она, безусловно, права:

компьютерные коммуникации стали таким же бытовым удобством, как водопровод, электросеть или общественный транспорт, без них современное общество невообразимо. Твои друзья и родственники всегда находятся в онлайне, и это настолько обыденная ситуация, что она не требует специальных терминов вроде «сетевая интерактивность».

Читая эту книжку, вы совершите путешествие в совсем другую эпоху, когда Сеть была-таки настоящим чудом. К началу 1990-х единственной страной на планете, где не только научные работники, но и обычные люди имели доступ к компьютерным коммуникациям, была Франция. Национализированная телефонная компания предоставляла терминалы системы «Минитель» *(Minitel)* бесплатно, закладывая инфраструктуру для множества онлайновых сервисов. Увидев эту систему в действии в 1984 году в Париже, я был просто поражен ее возможностями. Мои лондонские друзья-технари общались в то время через электронные доски объявлений *(BBS, bulletin board systems)*, но такие цифровые тусовки были рассчитаны исключительно на компьютерных фанатов. Систему «Минитель», напротив, мог использовать любой, кто подключался к ее телефонным линиям по премиальному тарифу. Несмотря на примитивный интерфейс и сравнительно медленный канал, подписчики «Минитель» первыми освоили многие сервисы из тех, что расцвели впоследствии в Сети: новостные ленты реального времени, виртуальные сообщества, электронную торговлю. После той поездки в Париж я был уверен: «Минитель» рано или поздно придет и в Англию. К сожалению, *British Telecom*, приватизированная правительством Маргарет Тэтчер в том же 1984 году, не стала ввязываться в дорогое и долгое инвестирование в сетевой компьютинг для широких масс. Вместо этого она зарабатывала легкие деньги, продавая широкие каналы финансовым корпорациям лондонского Сити. Пока мои французские друзья весело чатились, флиртовали, занимались политикой и делали покупки в «Минитель», в Англии виртуальный мир оставался вотчиной технарей. Компьютерные коммуникации, как и высокоскоростные поезда, были доступны только континентальным европейцам.

Первое эссе книжки, как подсказывает его название, «Калифорнийская идеология», было написано в ответ на выбор Англией в начале 1990-х совсем другого пути в цифровое будущее. Несмотря на ретроградную политику *British Telecom*, снижение цен на персональные компьютеры и модемы давало все большему числу людей вне научных и университетских сообществ доступ к онлайновым сервисам. Этих пионеров Сети (как и

пользователей «Минитель» во Франции) не смущал неудобный интерфейс командной строки и низкая скорость связи, ведь новая удивительная технология предоставила им электронную почту, доступ к новостным группам (*newsgroups*), возможность делиться файлами друг с другом. В 1993 году появился веб-браузер *Mosaic* с графическим интерфейсом, который стал мощным катализатором превращения эзотерического хобби в массовое социальное явление. Основой Сети стали персональные компьютеры, а их вычислительная мощность была куда больше, чем у простеньких терминалов «Минитель». Поэтому через несколько лет пользователи уже работали не только с текстовыми файлами, но и с графикой, звуком и видео. Наконец-то и англичане получили доступ к виртуальным сообществам, смогли участвовать в онлайновых форумах и заниматься электронной торговлей. В сентябре 1994 года я был в шумной толпе посетителей на открытии первого в мире киберкафе «Киберия»[2]. Глядя на ровные ряды компьютеров, я вспоминал, как ровно десять лет назад цифровое будущее приоткрылось для меня в Париже. Теперь новый порядок вещей наконец-то добрался и до Лондона. Было приятно сознавать, что я оказался прав – англичане приняли сетевой компьютинг с большим энтузиазмом. Но как же я ошибался, ожидая импорта этой технологии из Франции! И сама идея «Киберии», и программное обеспечение для нее пришли из совсем другого региона планеты – Калифорнии.

«Ты видел эту чушь?! – Энди Кэмерон сунул мне в руки свежий номер *Wired*, культового журнала энтузиастов новых медиа, выходящего в Сан-Франциско. Он был раскрыт на очередной восторженной статье о венчурных капиталистах Кремниевой долины. – Это же просто мерзко! Те самые англичане, которые никогда в жизни не поддержат приватизацию, к примеру, Национальной службы здоровья, принимают на ура этот неолиберальный бред по поводу Сети!» Шел 1995 год, мы только что запустили Центр исследований гипермедиа в Университете Вестминстера, и Энди уже работал с группой талантливых студентов, которые впоследствии прославятся как интерактивные дизайнеры коллектива *ANTI-rom.* Годом раньше он позвал меня помогать в разработке первой в Европе магистерской программы по сетевой тематике, специальность называлась «исследования гипермедиа». В тот весенний вечер Энди посетила еще одна блестящая идея: «Давай сделаем и опубликуем подробный разбор всех этих глупостей, которые пропагандирует *Wired*? Это будет манифест нашего центра, он покажет, насколько наши взгляды далеки от неолиберализма Западного побережья».

Следующие несколько недель мы посвятили напряженной работе, подкрепляя силы изрядными дозами пива и травки, – и на свет появилось первое эссе этой книги. Даже сейчас, спустя столько лет, я помню, кто писал исходные наброски каждого из ключевых абзацев. Мы по очереди перерабатывали статью и постепенно пришли к синтезу наших идей в финальном тексте «Калифорнийской идеологии». Довольные результатом, мы запустили материал в список рассылки *nettime* (www.nettime.org) и опубликовали его в журнале *Mute*. Мы ставили перед собой скромную задачу – побудить английских пионеров Сети к критическому взгляду на вещи. Но вскоре, к собственному удивлению, убедились в том, что написали прямо-таки канон дотком-скептицизма[3] 1990-х. В течение нескольких лет «Калифорнийская идеология» была переведена на многие языки и издана в самых разнообразных форматах. Луис Розетто (Louis Rosetto), тогдашний главред *Wired*, был вынужден выступить с ответом на нашу критику его журнала. Название статьи превратилось в настоящий «мем» (в чем есть большая ирония, потому что мы оба презирали пустые биологические метафоры, каковой является и термин «мем»). Оно стало кратким обозначением для мерзкой неолиберальной политики предпринимателей Кремниевой долины. Самое замечательное, что множество людей, никогда не читавших статью, по одному названию «Калифорнийская идеология» сразу угадывали, что мы имеем в виду…

Спустя двадцать лет, когда Сеть колонизировали международные корпоративные киты, сотрудничающие со шпионскими агентствами США, основные наши тезисы уже не выглядят такими спорными, как в момент публикации. Замечательно, однако, что и в этой новой исторической обстановке никуда не исчезла массовая вера в то, что инфотехнологии сами по себе приносят свободу! Специалисты по раскрутке доткомов недавно хвастались, что «арабская весна» 2011 года и протестное движение «Оккупай» показали блестящие подрывные возможности коммерческих платформ фейсбук и твиттер. Многие по-прежнему верят, что свободное будущее будет помечено клеймом «Сделано в США». «Калифорнийская идеология» была опубликована в прошлом веке, но анализ, который она предлагает, актуален как никогда. Сегодня мы повсюду натыкаемся на те же вопиющие противоречия в продвигаемой *Wired* политике *laissez-faire*[4], о которых мы говорили в статье, только они теперь в другом обличье. Вот краткий перечень:

1) отождествление высокотехнологического неолиберализма

Кремниевой долины 1990-х с контркультурой хиппи Сан-Франциско 1960-х;

2) утверждение, что Сеть создана героическими предпринимателями, а не есть совместный результат частных, государственных и общественных инициатив;

3) маклюэнистский тезис о том, что медийные технологии (а не люди и их деятельность) являются субъектом истории;

4) прославление Сети в качестве воплощения «джефферсоновской демократии» без тени иронии по поводу того, что Томас Джефферсон был рабовладельцем.

Энди, когда-то принадлежавший к троцкистской секте, прошел школу большевистских методов идеологической борьбы. Согласно В. И. Ленину, правящий класс осуществляет господство над массами, навязывая им свою картину мира через СМИ, образование и религию. Для большевиков главной задачей революционного движения была дискредитация идей их противников-реакционеров. Когда вышла наша статья, Энди был поражен тем, как много читателей восприняли ее именно в таком ключе. Хотя мы и рассчитывали, что наш текст поможет поклонникам *Wired* критически взглянуть на неолиберальную концепцию Сети, мы не ожидали слишком многого, так как опирались лишь на силу слова. Важно отметить, что само название нашего сочинения – это ремикс знаменитого заголовка «Немецкая идеология» полемической статьи Карла Маркса и Фридриха Энгельса, обращенной к их бывшим товарищам, младогегельянцам. В отличие от Ленина, Маркс и Энгельс доказывали, что представления людей о мире определяются материальными факторами данного исторического момента. Идеология рассматривалась как симптом, а не суть классового господства. В применении к нашему случаю это означало, что самое яростное развенчание идей *Wired* бессильно против решающего аргумента в пользу технологического неолиберализма. Этот аргумент, как мы прекрасно понимали, состоит в том, что Сеть действительно строилась на Западном побережье. В заключении статьи мы призывали цифровых ремесленников Европы открывать более равноправные, общедоступные пути развития информационного общества. Критика идеологии была лишь началом этого трудного процесса. Опорой для вытеснения калифорнийского образа цифрового будущего может стать только создание новой, лучшей политэкономии.

Вторая статья книги – «Киберкоммунизм» – вышла в свет спустя четыре года после нашей обличительной речи в адрес *Wired*. За это время Сеть стала технологической иконой

десятилетия. Калифорнийская идеология торжествовала, невзирая ни на какую критику. Медийные пророки и академические эксперты в один голос утверждали, что Сеть создает «новую парадигму» глобального предпринимательского капитализма, а государственное регулирование и бюрократические монолиты индустриальной эпохи скоро будут сметены. Вдохновленные этим неолиберальным пророчеством, инвесторы на Уолл-стрит задирали цены акций компаний, работавших в новой среде, на невиданную высоту, это был «пузырь доткомов». Никто не хотел прозевать возможность отхватить кусок нового *Microsoft* или *Apple*, чтобы потом получить сверхприбыль. В 1998 году, когда спекулятивная лихорадка приближалась к своему пику, со мной связался Лэнс Стрейт (Lance Strate) из Университета Фордхэм в Нью-Йорке – он готовил юбилейную конференцию в честь 50-летия начала преподавательской работы Маршалла Маклюэна в этом уважаемом вузе. «У нас в программе много научных докладов, – сказал он, – но они все уж очень респектабельные. Я подумал, что, может быть, вы оживите заседание каким-нибудь умеренно-безумным „интеллектуальным зондом“, как назвал бы это сам Маклюэн?» Проникшись идеей Лэнса, я засел за лекцию, из которой и выросла вторая статья книжки. В 1960-х Маклюэн «зондировал» интеллект своей аудитории, делая совершенно непредсказуемые утверждения, чтобы побудить слушателей взглянуть на современность с неожиданной стороны. В частности, один из его самых знаменитых лозунгов гласил, что психологическое воздействие коммуникационных технологий сильнее, чем идейное воздействие самого контента: «Средство коммуникации есть сообщение»[5]. К своему великому удовольствию, Маклюэн преуспел в доведении до бешенства как защитников буржуазной морали, так и приверженцев большевистских убеждений. Моей задачей было придумать для конференции Лэнса нечто столь же противоречивое. Тогда, в конце 1990-х, все в один голос говорили, что Сеть – это апофеоз свободного рыночного капитализма. Почему бы не развить прямо противоположный тезис, подумал я. Вера калифорнийских идеологов в стройный марш истории к высокотехнологическому неолиберализму уже давно наводила меня на мысли о сталинистских гимнах эпохи холодной войны, предрекавших неизбежную победу «реального социализма». Широко распространившиеся нарушения копирайта[6] было легко интерпретировать как полный крах товарного производства в условиях возникающей информационной экономики. Счастливый от того, что найден отличный «зонд», я был готов атаковать

маклюэновскую конференцию в Фордхэме. Когда подошла моя очередь выступать, я громко объявил с трибуны: «Единственная в истории человечества работающая модель коммунизма была создана на пике холодной войны и на деньги американских военных. Это – интернет!»

Вернувшись в Лондон, я переработал свой перформанс в Фордхэме в статью, которая вскоре была опубликована в различных вариантах на бумаге и онлайн. Мой кажущийся энтузиазм в «Киберкоммунизме» по поводу прометеевской миссии дотком-компаний озадачивал тех, кто считал, что соавтор «Калифорнийской идеологии» обязан быть несгибаемым антиамериканистом. Хуже того, оригинальная версия статьи завершалась пафосным посвящением пилотам военно-воздушных сил США, которые обеспечивали поддержку с воздуха партизанам *UÇK*[7] в войне 1999 года за независимость Косова. Так как статья была построена по принципу маклюэновского интеллектуального зонда, этот провокативный пассаж был абсолютно намеренным. На рубеже тысячелетий Американская империя оставалась бесспорным мировым гегемоном. Крушение СССР не только устранило единственного серьезного империалистического соперника, но и дискредитировало идейную привлекательность всех форм социализма. Знаменательно, что правящая элита США была теперь убеждена, что неолиберальный капитализм американского образца стал апогеем всей человеческой цивилизации, воплощением гегелевского «конца истории». В «Киберкоммунизме» я поставил себе задачей вызвать дух Маклюэна, чтобы привести это самодовольное торжество к внутреннему противоречию. Еще в 1920-е и 1930-е социал-демократы и «коммунисты рабочих советов» доказывали, что большевистский режим создает в России тоталитарную версию американского автозавода – госкапитализм. Переворачивая это сопоставление, я показывал, что доткомовцам из Кремниевой долины идеи технологического элитизма и производства как самоцели так же близки, как когда-то Иосифу Сталину. В этой гегелевской диалектике идейная битва сверхдержав в холодной войне лишь маскировала их общую приверженность экономической рациональности управленческой иерархии. Если считать СССР госкапиталистом, то почему бы не сказать, что в США ведется плановое социалистическое хозяйство в приватизированной форме.

Я отказывался от геополитической ортодоксии холодной войны и стремился возродить для наступающего века определение коммунизма, данное в веке прошедшем. До захвата власти большевиками в 1917 году европейские социал-демократы

рассматривали коммунизм как свободное будущее человечества, которое наступит после капитализма. Как подчеркивал Маркс, новое общество можно создать лишь после того, как все возможности старой системы исчерпаны. Каждодневная борьба левых за политическую демократию и экономическое процветание помогает ускорить эволюцию капитализма – его движение к окончательной гибели. В марксистском понимании это означало бы, что наиболее коммунистическим государством на планете к концу 1990-х должен стать глобальный гегемон – США. При этом парадоксальном взгляде на вещи сдвиг в производстве культурной продукции к контенту, создаваемому пользователями, представал предвестником более глубоких социальных преобразований. Предоставляя открытый доступ к информации в Сети, американские неолибералы тем самым спонтанно отказывались от капиталистического способа вести дела при помощи рыночных сделок. В своем неустанном стремлении к прибыли компании Кремниевой долины выстраивали инфраструктуру для следующей стадии человеческой цивилизации: высокотехнологическую экономику дарения.

При взгляде назад из второго десятилетия XXI века моя маклюэнистская сатира на пузырь доткомов выглядит одновременно и провидческой, и устаревшей. Левые исследователи, наконец-то уставшие от вневременности постмодернизма, недавно заново открыли опасную Марксову интерпретацию большого нарратива истории. Эхом аргументации «Киберкоммунизма» звучит их тезис о том, что человечество может спастись от капиталистической эксплуатации только одним путем: полностью реализовав ее эмансипирующий потенциал; такой взгляд называется «акселерационизмом». Однако по контрасту с моей статьей эти заново рожденные марксисты уже не уверены, что острие прогресса по-прежнему находится в США. За истекшее время глобальный гегемон столкнулся с нарастающими проблемами у себя дома: политический клинч, деградация инфраструктуры, эндемичная коррупция, финансовые кризисы, усиление неравенства. Самое главное – Американская империя не только провела и проиграла две жестокие войны, в Афганистане и Ираке, но еще и замахнулась на отдающий манией величия проект системы глобального шпионажа за личными коммуникациями всех и каждого на планете. Неудивительно, что завершающий пассаж «Киберкоммунизма», противопоставлявший модернизирующую энергию США и регрессивную де-эволюцию Сербии, сегодня звучит абсурдно. *UÇK* была основана маоистами, и поэтому в

1999 году косовары-изгнанники, с которыми я познакомился в Лондоне, были очень циничны по поводу мотивов, побудивших Америку неожиданно встать на их сторону в балканском конфликте. Впрочем, несмотря на левый скептицизм, они думали, что раз уж глобальный империалист помог им победить регионального империалиста, то теперь их освобожденный народ наконец-то станет частью современного мира. Однако сегодня мы понимаем, что именно Сербия Милошевича в 1990-х – деспотический режим, возглавляемый отставным банкиром и сочетающий в себе худшие черты неолиберализма и фашизма, – оказалась предчувствием кошмарных политических реалий западного капитализма 2010-х. Когда я пишу эти строки, гражданское население Газы, Мосула и Донецка платит тяжкую цену за отказ гегемона от базовых ценностей современной эпохи («бегство от модернити»[8]). Если мы не хотим, чтобы эти ужасы распространились с приграничных земель, угрожая системным основам империи, нам срочно нужна новая стратегия ускоренного движения к лучшему будущему.

Два эссе из 1990-х, составившие эту книжку, – это лишь небольшой вклад в поиски формулы выхода из сложного переплета, в который угодило современное общество. Многие из прежних энтузиастов Сети воспринимают ее корпоративизацию и милитаризацию как фатальное предательство утопических надежд, которые были связаны с информационным обществом. «Калифорнийская идеология» предвидела, что эти люди будут очень критичны по отношению к хайпу Кремниевой долины, но ведь мы с Энди подчеркивали в статье, что возвышение хайтечного неолиберализма отнюдь не предопределено с неизбежностью. В заключении нашей статьи указывалось, что система «Минитель» была построена на иной политэкономии, чем ее американская соперница. *Wired* панически боялся, что государственные телекоммуникационные монополии станут играть в Сети ведущую роль – но ведь во Франции сумели и в этих условиях превратить онлайновые сервисы в товар за счет предоставления их по телефонным сетям премиум-класса. Ирония, как я с удовольствием отметил в «Киберкоммунизме», состоит в том, что как раз интернет с его клеймом «Сделано в США» испытывал постоянные трудности с применением догматов буржуазной экономики в созданном им виртуальном мире. Пользовательский контент и свободное программное обеспечение – это творения свободного труда. Эти два примера позволяют легко разбить позиции новомодного технологического пессимизма. История «Минитель» показывает, что неолиберализм не является неотъемлемым свойством компьютерных

коммуникационных сетей в их социальном измерении. Значимость высокотехнологической экономики дарения демонстрирует, что коллективный труд в онлайне может быть эффективно организован без привлечения товарно-денежных отношений. Еще в 1950-е Аксель Берг, Оскар Ланге и другие реформаторы из Восточной Европы мечтали о том, что сталинистское бюрократическое планирование «сверху-вниз» сменится принятием решений производителями и потребителями «снизу-вверх» с использованием компьютерных сетей, другими словами, что наступит кибернетический коммунизм. Сегодня, обладая несравнимо более мощными программными и аппаратными средствами, мы можем преобразовать их теоретические построения в живую реальность. Реформируя Сеть в наших собственных интересах, мы можем заменить и авторитарную госмашину, и олигархический рынок массовой многопользовательской партисипативной демократией.

Так направим же нашу энергию на создание подлинно человеческой цивилизации!

Да здравствует ускорение в движении к освобожденному будущему!

Ричард Барбрук. Лондон, Англия. 31 июля 2014 г.

Калифорнийская идеология

Не врать о Будущем невозможно,
а врать о нем можно сколько угодно.

Наум Габо, Нотон Певзнер.
Реалистический манифест

[9]

Когда рушится плотина…

В конце двадцатого столетия наконец-то начинает осуществляться давно предсказанная конвергенция медиа, компьютинга и телекоммуникаций в единую сущность – гипермедиа[10]. Неустанное стремление капитализма разнообразить и усилить творческие начала человеческого труда вновь подвело нас к порогу качественного изменения самой сути того, как мы работаем вместе, играем вместе, живем вместе. Интеграция разных типов технологий на основе единых протоколов порождает нечто большее, чем простую сумму составных частей. Когда способность производить и поглощать неограниченные количества любой информации соединяются с доступом к глобальным телефонным сетям, привычные формы труда и досуга принципиально трансформируются. Возникнут целые новые индустрии, а фавориты нынешнего фондового рынка исчезнут без следа. Во времена таких глубоких общественных перемен любой, кто готов дать простое объяснение происходящему, будет выслушан с огромным интересом. В преддверии этого ключевого момента непрочный союз писателей, хакеров, капиталистов и художников с Западного побережья США уже выработал свою эклектическую ортодоксию для наступающей информационной эпохи: *Калифорнийскую идеологию*.

Эта новая вера возникла из причудливого сплава культурных предпочтений богемы Сан-Франциско и возможностей высокотехнологических индустрий Кремниевой долины. Калифорнийская идеология, продвигаемая в журналах, книгах, телепрограммах, на веб-сайтах, в новостных группах и сетевых конференциях, родилась от случайной связи между беззаботным духом хиппи и антрепренерским рвением яппи. Этот сплав противоположностей возник на основе глубокой веры в освобождающий потенциал новых информационных технологий.

В цифровой утопии каждый будет одновременно и хиппарем, и богачом! Столь оптимистичный взгляд на будущее одинаково мил компьютерным фанатам и студентам-прогульщикам, капиталистам-инноваторам и социальным активистам, модным интеллектуалам, бюрократам футуристического склада и политикам-оппортунистам по всей Америке. Европейцы, как обычно, не замедлили скопировать новейшую американскую моду. Недавний доклад комиссии Евросоюза рекомендует следовать калифорнийской модели «свободного рынка» для построения «информационного суперхайвея», а самые прогрессивные художники и ученые усердно подражают постгуманистическим философам-экстропианцам Западного побережья[11]. В отсутствие видимых соперников триумф Калифорнийской идеологии кажется абсолютным.

Столь широкая притягательность идеологов с Западного побережья результат не только их заразительного оптимизма. Гораздо важнее их страстная приверженность к, казалось бы, безупречно либертарианской политической форме: они хотят, чтобы информационные технологии были использованы для создания новой «джефферсоновской демократии», где каждый индивид сможет свободно выражать себя в киберпространстве[12]. Однако, отстаивая такой по видимости восхитительный идеал, эти «техноускорители» одновременно воспроизводят некоторые из самых атавистических черт американского общества, относящиеся к горькому наследству периода рабовладения. Их утопический взгляд на Калифорнию невозможен без намеренной слепоты к другим, гораздо менее привлекательным чертам жизни на Западном побережье: расизму, бедности, экологической деградации[13]. Ирония в том, что в недалеком прошлом именно интеллектуалы и художники района залива Сан-Франциско *(Bay Area)* были страстными обличителями этих пороков.

Рональд Рейган против хиппи

15 мая 1969 года губернатор Рональд Рейган отдал приказ провести на рассвете вооруженную полицейскую операцию против протестующих хиппи, которые оккупировали Народный парк недалеко от кампуса Калифорнийского университета в Беркли. В ходе последовавшей битвы один человек был застрелен, 128 других пришлось госпитализировать[14]. В тот день казалось, что примирения между «правильным миром» и контркультурой не будет никогда. По одну сторону баррикад губернатор Рейган и его последователи отстаивали абсолютную свободу частного

предпринимательства и поддерживали вторжение во Вьетнам. По другую сторону хиппи призывали к социальной революции в собственной стране и обличали империалистическую экспансию за ее границами. Это были совершенно несовместимые концепции дальнейшего развития Америки, и в год штурма Народного парка мало кто сомневался, что выбор между этими концепциями возможен только через прямое столкновение с применением насилия. Джерри Рубин, один из лидеров партии Йиппи (*Yippie*), говорил тогда: «Наш порыв к приключениям и героизму ведет нас за пределы Америки, где мы можем быть бунтарями и творцами собственной жизни. В ответ Америка готова нас уничтожить…»[15]

В 1960-х радикалы района залива Сан-Франциско *(Bay Area)* создали систему политических взглядов и культурный стиль, воспринятые движениями «новых левых» по всему миру. Порвав с узостью послевоенной политики, они разворачивали компании против милитаризма, расизма, дискриминации по половому признаку, гомофобии, бездумного потребительства и загрязнения окружающей среды. Вместо жестких иерархий, типичных для левых, они создавали коллективные и демократические структуры, намечавшие, как предполагалось, контуры будущего либертарианского общества. Но самое главное – калифорнийские новые левые сочетали политическую борьбу с бунтом в сфере культуры. В отличие от своих родителей, хиппи отказывались подчиняться жестким социальным соглашениям, к которым принуждали «человека организации» военные, университеты, корпорации и даже политические партии левого крыла. Символами разрыва с «правильным миром» были их демонстративно потрепанная одежда, демонстративная сексуальная распущенность, демонстративно громкая музыка и открытое употребление рекреационных наркотиков[16].

Хиппи-радикалы были либералами в социальном смысле слова. Они отстаивали универсалистские, рациональные и прогрессивные идеалы: демократию, толерантность, самореализацию и социальную справедливость. Двадцать лет непрерывного экономического роста внушали уверенность, что история на их стороне. В научно-фантастических романах расцветали мечты об *экотопии* – будущей Калифорнии, где нет автомобилей, промышленность экологична, сексуальные отношения основаны на равенстве, люди живут в коммунах[17]. Часть хиппи считали, что такую жизнь можно построить только при отказе от лжебога научного прогресса и полном возвращении к природе. Другие же, напротив, верили, что именно технологический прогресс претворит их либертарианские принципы в реальность нового общественного устройства.

Проникшиеся идеями Маршалла Маклюэна, эти технофилы были убеждены в главном: слияние медиа, компьютинга и телекоммуникаций неизбежно породит *электронную агору* – виртуальную площадку, где каждый сможет выражать свои убеждения, не боясь цензуры[18]. Радикальная весть, которую нес английский профессор средних лет Маршалл Маклюэн, была такова: власть большого бизнеса и большого правительства будет непременно свергнута, потому что новые технологии гигантски увеличат влияние каждого отдельного человека.

«Электрические средства… упраздняют пространственное измерение… Благодаря электричеству мы вновь повсеместно обретаем межличностные отношения, как будто живем в маленькой деревне. Это связь глубинная, в ней нет делегирования функций или полномочий. …Диалог вытесняет лекцию»[19].

Ободренные пророчествами Маклюэна, радикалы Западного побережья включились в разработку новых информационных технологий для альтернативной прессы, местного радиовещания, клубов домашней разработки компьютерной техники, коллективов любительского видео. Все эти медиаактивисты считали, что находятся на переднем крае борьбы за построение новой Америки. Создание электронной агоры было первым шагом к воплощению прямой демократии внутри всех социальных институций[20]. Борьба предстояла суровая, но до *экотопии*, как казалось, было рукой подать.

Взлет виртуального класса

Кто мог предсказать, что менее чем 30 лет спустя после битвы за Народный парк обыватели («квадраты») и хиппи будут совместно творить Калифорнийскую идеологию? Кто мог хотя бы помыслить о невиданной помеси технологического детерминизма и либертарианского индивидуализма, дающей начало гибридной ортодоксии информационной эпохи? И кто мог заподозрить, что чем больше будет преклонение перед технологией и свободой, тем труднее будет сказать что-нибудь осмысленное об обществе, которое ими пользуется?

Калифорнийская идеология так популярна именно благодаря двусмысленности ее базовых постулатов. В последние несколько десятилетий индустрии медиа и информационных технологий заимствовали и адаптировали для своих целей многие пионерские разработки медиаактивистов локальных сообществ. Компании в этих секторах решают многие свои проблемы за счет механизации рутинных процессов и найма работников по

субконтрактам – но они никак не могут обойтись без ключевых людей, тех, кто проводит исследования и создает оригинальный продукт, от компьютерных программ и чипов до книг и телевизионных программ. Такие люди – цифровые ремесленники – вместе с предпринимателями сектора высоких технологий образуют так называемый виртуальный класс: «… техноинтеллигенцию, включающую когнитивистов, инженеров, информатиков, разработчиков видеоигр, а также всех прочих специалистов по коммуникациям»[21]. Таких специалистов нельзя поставить на конвейер или заменить машинами, поэтому менеджмент выработал для них особую схему найма – по контрактам на фиксированный срок. Как и «рабочая аристократия» XIX века, ключевой персонал в медиа, компьютинге и телекомах испытывает на себе все блага и опасности рынка. С одной стороны, эти цифровые ремесленники высоко оплачиваются и весьма автономны в смысле места и графика работы (в результате культурный раздел между хиппи и «человеком организации» размылся). Однако с другой стороны, эти компетентные работники связаны условиями своих контрактов, им не гарантирована постоянная занятость. Большинство людей из виртуального класса не имеют того объема свободного времени, который был у хиппи, и работа становится для них основным способом самореализации[22].

Калифорнийская идеология предлагает путь к пониманию реальности, в которой живут цифровые ремесленники. С одной стороны, они – часть привилегированной рабочей силы. С другой – наследники радикальных идей медиаактивистов. Калифорнийская идеология, таким образом, одновременно отражает и дисциплину рыночной экономики, и свободу независимых ремесленников-хиппи. Эта причудливая смесь стала возможной только благодаря практически всеобщей вере в технологический детерминизм. Начиная с 1960-х либералы – в социальном смысле слова – надеялись, что их идеи воплотятся через новые информационные технологии. В ответ на вызов новых левых новые правые возродили старую форму либерализма – экономический либерализм[23]. Вместо коллективной свободы, к которой стремились радикалы-хиппи, они отстаивали свободу индивидов внутри рынка. Но даже такие консерваторы не смогли противиться романтике новых инфотехнологий. Еще в 1960-х предсказания Маклюэна были интерпретированы как реклама новых форм медиа, компьютинга и телекоммуникаций, разрабатываемых в частном секторе. Начиная с 1970-х Элвин Тоффлер, Итиль де Сола Пул и другие гуру пытались доказать, что взлет Сети парадоксальным образом повлечет за собой

возвращение к экономическому либерализму прошлого. Эта ретроутопия звучала словно эхо предсказаний Айзека Азимова, Роберта Хайнлайна и других мачо научной фантастики, чьи миры будущего всегда плотно заселены космическими торговцами, пронырливыми коммивояжерами, гениальными учеными, капитанами пиратов и другими стойкими индивидуалистами. Путь технологического прогресса не всегда вел к *экотопии* – он мог вести и обратно в Америку времен отцов-основателей.

Электронная агора или электронный рынок?

Двусмысленность Калифорнийской идеологии наиболее ярко выражена в ее противоречивой картине цифрового будущего. Развитие гипермедиа – это ключевой компонент следующей стадии капитализма. Как указывает Шошана Зубофф, проникновение медиа, компьютинга и телекоммуникаций на завод и в офис есть кульминация длительного процесса отделения рабочей силы от прямого участия в производстве[24]. Хотя бы для поддержания конкурентоспособности все главные индустриальные экономики будут в конце концов вынуждены подключить свое население к компьютерным сетям, чтобы воспользоваться преимуществами работы в цифровой среде. Неизвестными остаются социальные и культурные последствия привлечения людей к производству почти неограниченного объема информации на глобальном уровне. Главный вопрос, чьи утопии реализуются благодаря взлету гипермедиа – новых левых или новых правых? Как гибридное вероучение, Калифорнийская идеология с легкостью разрешает эту загадку, веруя в оба проекта одновременно и не критикуя ни один из них.

С одной стороны, антикорпоративная чистота новых левых была сохранена пропагандистами виртуальных сообществ. Согласно их гуру Говарду Рейнгольду, направления развития новых информационных технологий определяются контркультурными ценностями поколения беби-бумеров. Следовательно, активисты сообществ смогут использовать новые медиа для внедрения высокотехнологической экономики дарения вместо корпоративного капитализма и большого правительства.

Уже сейчас электронные доски объявлений, чаты и сетевые конференции реального времени – это свободный обмен информацией и знаниями. По мнению Рейнгольда, представители виртуального класса продолжают оставаться на переднем крае борьбы за социальное освобождение. Несмотря на бешеную активность бизнеса и политических структур в построении

информационного суперхайвея, *электронная агора* обязательно победит своих корпоративных и бюрократических врагов[25].

Напротив, другие идеологи Западного побережья освоили идеологию предпринимательской свободы (*laissez-faire*) своего извечного консервативного врага. Так, *Wired* – ежемесячная библия виртуального класса – воспроизвел, не критикуя их, взгляды Ньюта Гингрича, крайне правого республиканского лидера Палаты представителей, а также его ближайших советников Тоффлеров[26]. Не обращая внимания на политику сокращения социальных пособий, проводимую этими людьми, журнал загипнотизирован их энтузиазмом по поводу либертарианских возможностей применения новых информационных технологий. Впрочем, заимствуя маклюэновский технологический детерминизм, Гингрич и Тоффлеры не становятся адвокатами *электронной агоры*. Напротив, они объявляют, что слияние медиа, компьютинга и телекоммуникаций породит *электронный рынок*: «В киберпространстве… технологический прогресс превращает один рынок за другим из „естественных монополий“ в такие, где конкуренция есть правило, а не исключение»[27].

В этой версии Калифорнийской идеологии каждому участнику виртуального класса обещана возможность стать успешным предпринимателем в сфере высоких технологий. Аргументация такова: информационные технологии усиливают индивида, повышают степень его личной свободы и радикально ограничивают власть национального государства. Существующие социальные, политические и законодательные властные структуры завянут и будут заменены ничем не стесненными взаимодействиями между автономными индивидами и их программным обеспечением. Эти перелицованные маклюэнисты энергично доказывают, что большое правительство должно перестать лезть в дела оборотистых предпринимателей, потому что только у этих классных ребят хватает смелости брать риски на себя. Вместо контрпродуктивного регулирования инженеры-визионеры предлагают инструменты для создания свободного рынка в киберпространстве – шифрование, цифровые деньги и процедуры верификации. И действительно, попытки – особенно со стороны правительства – влиять на проявляющиеся свойства этих технологических и экономических сил оборачиваются против тех, кто настолько глуп, чтобы игнорировать законы природы. Согласно исполнительному редактору *Wired*, «невидимая рука» рынка и слепые силы дарвинской эволюции в действительности одно и то же[28]. Как в научно-фантастических романах Хайнлайна и Азимова, тропинка в будущее ведет, кажется, назад

в прошлое. Информационная эпоха двадцать первого века обернется воплощением либеральных идеалов Томаса Джефферсона, сформулированных в восемнадцатом веке как «создание новой цивилизации, основанной на вечных истинах Американской Идеи»[29].

Миф о свободном рынке

После победы в 1994 году партии Гингрича на выборах в законодательные органы США становится все более популярной та версия Калифорнийской идеологии, которую исповедуют правые. Однако священные постулаты экономического либерализма вошли в противоречие с подлинной историей гипермедиа. Например, компьютерные и сетевые технологии, перед которыми все теперь преклоняются, удалось создать только за счет массивных государственных субсидий и широкого участия энтузиастов-любителей. Частные компании сыграли в развитии этих технологий большую роль, но лишь как часть смешанной экономики.

К примеру, самый первый компьютер – Дифференциальная машина (*the Difference Engine*) – был спроектирован и построен частными компаниями, но его разработка стала возможной только благодаря гранту британского правительства в размере 17 470 фунтов стерлингов, что в 1834 году было целым состоянием[30]. От *Colossus* до *EDVAC*, от летных симуляторов до виртуальной реальности, – ключевые шаги в развитии компьютинга поддерживались государственными исследовательскими грантами или крупными контрактами. Корпорация *IBM* построила свой первый программируемый цифровой компьютер по заказу Министерства обороны США во время Корейской войны. С тех пор создание каждого нового поколения компьютеров прямо или косвенно субсидировалось из американского военного бюджета[31]. Кроме госсубсидий эволюция вычислительной техники зависела также от культуры любительского *DIY*[32] конструирования. В частности, персональный компьютер был изобретен конструкторами-любителями, которые делали дешевую вычислительную машину для себя. Экономика дарения в среде любителей была необходимым условием для дальнейшего успеха продуктов *Apple* и *Microsoft*. Даже сегодня условно-бесплатные программы (*shareware*) все еще играют жизненно важную роль в развитии программной продукции.

История интернета тоже противоречит постулатам

либеральной идеологии. В течение первых двадцати лет развитие Сети почти полностью зависело от многажды проклятого либеральными идеологами федерального правительства США. Через военный бюджет и университеты в огромных количествах направлялись доллары налогоплательщиков – на строительство инфраструктуры Сети и субсидирование ее сервисов. В то же время многие из ключевых для Сети программ и приложений были изобретены либо любителями, либо профессионалами, работавшими в свободное время. Например, программу *MUD* создала группа студентов для игр в стиле фэнтези, но она стала применяться и для телеконференций и научных коммуникаций.

Одно из самых необычных обстоятельств, связанных с дрейфом Калифорнийской идеологии вправо, состоит в том, что само Западное побережье есть продукт смешанной экономики. Системы ирригации, автомагистрали, школы, университеты, другие инфраструктурные объекты, благодаря которым в Калифорнии можно очень неплохо жить, были построены на правительственные доллары. А сверх этого высокотехнологический промышленный комплекс Западного побережья десятилетиями кормился от богатейших в истории государственных контрактов. Правительство США бросало миллиарды налоговых долларов на закупку самолетов, ракет, электроники и ядерных бомб у калифорнийских компаний. Тем, кто не ослеплен догмами свободного рынка, очевидно, что у американцев всегда было государственное планирование, только они называли его «военным бюджетом»[33]. В то же время ключевые элементы стиля жизни на Западном побережье идут от давней традиции культурной богемности. СМИ локальных сообществ, спиритуализм нью-эйдж, движение за открытость гомосексуальной ориентации (*gay pride*), серфинг, здоровое питание, рекреационные наркотики, поп-музыка и многие другие формы новой культурной ереси возникли в рамках решительно некоммерческих движений, сосредоточенных вокруг университетских кампусов, деревенских коммун и объединений художников, – и лишь позже были коммерциализированы. Без *DIY*-культуры мифы Калифорнии не имели бы того глобального резонанса, который они имеют сегодня[34].

Финансирование за счет средств общества, вовлечение неформальных сообществ – все это было исключительно плодотворным для развития Кремниевой долины и других высокотехнологических отраслей, хотя роль этих факторов не признана и не оценена в денежном выражении. У капиталистических предпринимателей часто бывает завышенная оценка своего вклада в развитие новых идей, но они редко в

полной мере признают вклад со стороны государства, своих собственных работников или более широкого сообщества. Прогресс технологий кумулятивен – он зависит от результатов коллективного исторического процесса и должен хотя бы частично считаться коллективным достижением. Как и в любой другой промышленно развитой стране, американские предприниматели не могли не опираться на поддержку государства и на *DIY*-инициативы, сильно развивавшие новые отрасли. Когда японские компании угрожали захватить американский рынок микрочипов, либертарианские компьютерные капиталисты из Калифорнии не испытывали идеологических угрызений совести, вступая в спонсируемый государством картель, чтобы отразить вторжение с Востока. Билл Гейтс откладывал запуск *Windows'95* до тех пор, пока не были готовы инструменты этой системы, предназначенные для поддержки деятельности сообществ в киберпространстве[35]. Как и в других отраслях, главный вопрос к возникающей индустрии гипермедиа не в том, будет ли в этой индустрии смешанная экономика, а в описании конкретной структуры этой смешанной экономики.

Свобода – это рабство

Но если священные догматы свободного рынка противоречат низким фактам профанной истории, почему сторонники Калифорнийской идеологии находятся в полной власти мифа о свободном рынке? Живущие в контрактной культуре цифровые ремесленники ведут шизофреническое существование. С одной стороны, они не могут сомневаться в верховной власти рынка над их жизнями. С другой стороны, они с презрением отвергают поползновения властей понемногу ограничивать пространство их личной автономии. Перемешивая новых левых и новых правых, Калифорнийская идеология умеет мистическим образом разрешить противоречия взглядов и позиций внутри виртуального класса. Главный инструмент согласования радикальных и реакционных идей технологического прогресса – антигосударственность. Новые левые ругают правительство за то, что оно финансирует военно-промышленный комплекс, а новые правые атакуют государство за то, что оно мешает спонтанному распространению новых технологий через рыночную конкуренцию. Несмотря на центральную роль общественных ресурсов в развитии компьютинга и Сети, калифорнийские идеологи повторяют все ту же антигосударственную проповедь

кибернетического либертарианства – причудливую смесь анархизма хиппи и экономического либерализма, сдобренную большой дозой технологического детерминизма. Гуру новых левых и гуру новых правых отстаивают свои версии цифровой джефферсоновской демократии вместо того, чтобы исследовать реальный капитализм. В частности, Говард Рейнгольд из новых левых считает, что *электронная агора* даст возможность индивидам практиковать свободу медиа, не нарушая заветов отцов-основателей. Аналогично новые правые заявляют, что устранение всех регуляторных барьеров для частного предприятия породит достойную джефферсоновской демократии свободу медиа[36].

Триумф этого ретрофутуризма – результат провала обновления США в конце 1960-х – начале 1970-х. После противостояния в Народном парке борьба между американским истеблишментом и контркультурой вошла в спираль конфронтации с применением насилия. Пока вьетнамцы ценой огромных человеческих страданий выдворяли американских интервентов из своей страны, хиппи и их союзники из движения за гражданские права черного населения были в конце концов разгромлены путем государственных репрессий в сочетании с культурным поглощением.

Калифорнийская идеология идеально отражает последствия этого поражения для представителей виртуального класса. Хотя они и наслаждаются культурной свободой, завоеванной хиппи, большинство из них уже не участвует в активной борьбе за построение *экотопии*. Отказавшись от открытого бунта против системы, эти цифровые ремесленники теперь считают, что индивидуальная свобода достигается только работой в рамках, определяемых технологическим прогрессом и свободным рынком. Во многих романах киберпанка это асоциальное либертарианство воплощено в фигуре главного героя-хакера, одинокого индивидуалиста, борца за выживание в виртуальном мире информации[37].

Дрейфу калифорнийских идеологов вправо содействует их безоговорочное принятие либерального идеала самодостаточного индивида. Согласно американскому фольклору, страну построили среди диких лесов и полей свободные бродяги-индивидуалы – охотники-трапперы, ковбои, проповедники и поселенцы фронтира. Сама американская революция делалась для того, чтобы защитить свободу и собственность индивидов от репрессивных законов и несправедливых налогов в пользу зарубежного монарха. Как для новых левых, так и для новых правых ранние годы Американской республики представляют

собой плодотворную модель их конкурирующих версий личной свободы. Однако в самом сердце этой первозданной американской мечты кроется глубокое противоречие: индивиды этого периода добывали свое счастье только ценой несчастья других. Особенно ярко это иллюстрирует история жизни самого Томаса Джефферсона, иконической фигуры для приверженцев Калифорнийской идеологии.

Томас Джефферсон написал вдохновляющий призыв к демократии и свободе в Американской декларации независимости, владея при этом двумя сотнями рабов. Как политик, он отстаивал право американских фермеров и ремесленников самим определять собственную судьбу, не обращая внимания на ограничения со стороны феодальной Европы. Как и другие либералы того времени, он думал, что политические свободы могут быть защищены от авторитарного правительства только при наличии достаточно большого числа индивидуумов – владельцев собственности. Права граждан выводились из фундаментального естественного права на частную собственность. Для стимулирования самодостаточности он предложил раздать всем американцам как минимум по 50 акров земли, чтобы гарантировать их экономическую независимость. Однако, идеализируя малых фермеров и бизнесменов фронтира, Джефферсон оставался плантатором из Вирджинии и жил за счет труда своих рабов. «Нелепые установления» Юга ранили его совесть, но он продолжал считать, что естественные права человека включают и право владения человеческими существами в качестве частной собственности. В джефферсоновской демократии свобода белых была основана на рабстве черных[38].

Вперед, в прошлое

Несмотря на наступившее в конечном счете освобождение рабов и победы движения за гражданские права, расовая сегрегация все еще остается в самом центре американской политики – в особенности на Западном побережье. В 1994 году на выборах губернатора Калифорнии победил Пит Уилсон, кандидат от республиканцев, чья избирательная компания была построена на злобной антииммигрантской риторике. В национальном масштабе успех Республиканской партии Гингрича на выборах в законодательные органы власти был основан на мобилизации «сердитых белых мужчин» против угрозы со стороны черных халявщиков-велфэрщиков[39], мексиканских иммигрантов и

других зазнавшихся меньшинств. Эти политики использовали электоральные возможности растущей поляризации между жителями (преимущественно белыми) богатых пригородов, которые большей частью ходят на выборы, и более бедными (и в основном цветными) обитателями внутренней части городов, большинство которых не голосует.

Многие калифорнийские идеологи, даже отчасти сохранившие идеалы хиппи, не смогли занять четкую позицию против направленной на разделение общества политики республиканцев. Причина в том, что индустрии медиа и хайтека – ключевой элемент электоральной коалиции новых правых. Еще один фактор – и капиталисты, и высокооплачиваемые наемные работники боятся, что открытое признание финансирования их компаний из общественных фондов поможет оправдать увеличение налогов ради отчаянно необходимых расходов на здравоохранение, защиту среды обитания, строительство жилья, общественный транспорт и образование. Но гораздо важнее, что многие представители виртуального класса готовы соблазниться либертарианской риторикой и технологическим энтузиазмом новых правых. Работая на медийные компании или в индустрии хайтека, они хотели бы поверить в то, что электронный рынок может каким-то образом решить назревшие социальные и экономические проблемы Америки, и при этом лично от них никаких жертв не потребуется. Для этих людей Гингрич, угодивший в противоречия Калифорнийской идеологии, «одновременно и свой, и чужой», как выразился один комментатор *Wired*[40].

Кардинальное перераспределение богатства срочно необходимо Соединенным Штатам для того, чтобы обеспечить долгосрочное экономическое благополучие большинства населения. Однако это противоречило бы краткосрочным интересам богатых белых ребят, в том числе принадлежащих к виртуальному классу. Вместо того чтобы делиться со своими бедными соседями из черных или латиноамериканцев, яппи отступают в свои богатые белые пригороды, под защиту вооруженной охраны и частной социальной страховки[41]. Роль обездоленных в информационной эпохе сводится к предоставлению своей дешевой и не объединенной в профсоюзы рабочей силы для вредных полупроводниковых производств Кремниевой долины[42]. Даже само создание киберпространства может внести вклад в дробление американского общества на антагонистические классы, проникнутые расовым духом. Обитатели бедных кварталов, которых и так уже дискриминируют жадные до прибыли телефонные компании, могут не получить

доступ к новым онлайновым сервисам, которые будут им не по карману. Напротив, представители виртуального класса и другие профессионалы будут играть в киберпанк внутри гиперреальности, не опасаясь встретить там своих обедневших соседей. Параллельно с все расширяющимися социальными пропастями создается новый апартеид, разделяющий «информационно-богатых» и «информационно-бедных». В этой хайтечной джефферсоновской демократии отношения между хозяевами и рабами приобретают новую форму.

Киборги-хозяева и роботы-рабы

Страх перед восстанием низших классов в последнее время подточил самый фундаментальный постулат Калифорнийской идеологии: ее веру в эмансипирующий потенциал новых информационных технологий. Пока сторонники *электронной агоры* и *электронного рынка* обещают освобождение от государственных иерархий и частных монополий, социальная поляризация американского общества наводит на более мрачные мысли о цифровом будущем. Технологии свободы превращаются в машины угнетения.

В своем поместье в Монтичелло Джефферсон изобрел много интересных гаджетов для дома, например, «немого официанта» для доставки еды из кухни в столовую. Создавая технологию, которая стояла бы между ним и рабами, этот революционер-индивидуалист пытался уйти от постоянного напоминания о своей зависимости от подневольного труда других людей[43]. В конце двадцатого столетия новые технологии опять используются для углубления различий между хозяевами и рабами.

По прогнозам некоторых визионеров, стремление к совершенству разума, тела и духа неизбежно приведет к возникновению «постчеловека» – биотехнологического воплощения социальных привилегий виртуального класса. В то время как для хиппи саморазвитие было элементом социального освобождения, работники хайтека в современной Калифорнии более склонны искать индивидуальную самореализацию через терапию, спиритуализм, тренировки или другие нарциссические занятия. Их желание укрыться в охраняемом коттеджном поселке гиперреальности – лишь один из аспектов этой глубокой одержимости собой. Окрыленный якобы достигнутыми успехами в искусственном интеллекте и медицинской науке, экстропианский культ увлечен фантазиями об отказе от «мокрых технологий» человеческого организма и превращении в живые

машины[44]. Подобно Виреку и Тессье-Эшпулам из трилогии Уильяма Гибсона «Киберпространство», они верят, что социальные привилегии в конце концов наделят их бессмертием. Этот тип технологического детерминизма провидит не освобождение человечества, а лишь углубление социальной сегрегации.

Независимо от всех этих фантазий, белые люди в Калифорнии продолжают оставаться в зависимости от своих темнокожих собратьев, которые работают на их фабриках, убирают их урожай, смотрят за их детьми и ухаживают за их садами. После недавних бунтов в Лос-Анджелесе они еще сильнее опасаются, что этот низший класс когда-нибудь потребует свободы. Стало быть, раз люди-рабы в конечном счете ненадежны, нужно изобрести механических рабов. Поиски священного Грааля искусственного интеллекта вдохновлены мечтами о Големе – сильном и верном рабе, чья кожа цвета земли, а внутренности сделаны из песка. Как в романах Азимова о роботах, техноутописты воображают, что неодушевленные машины будут способны заменить труд рабов. Однако технология, хоть и способна быть усилителем человеческого труда, никогда не заменит человека в части изобретения, изготовления и обслуживания машин. Рабского труда без рабов не бывает.

Во всем мире Калифорнийская идеология была воспринята как оптимистическая и освобождающая форма технологического детерминизма. Однако эта утопическая фантазия Западного побережья основана на игнорировании социальной и расовой поляризации общества, которое ее породило, – и на зависимости от этой поляризации. Несмотря на свою радикальную риторику, Калифорнийская идеология в конечном счете пессимистична относительно фундаментальных социальных перемен. В отличие от хиппи, ее защитники не бьются за построение *экотопии* и даже не стремятся возродить Новый курс. Вместо этого социальный либерализм новых левых и экономический либерализм новых правых соединились в виде двусмысленной мечты о высокотехнологической джефферсоновской демократии. В широкой интерпретации этот ретрофутуризм можно было бы рассматривать как картину кибернетического фронтира, где цифровые ремесленники достигают индивидуальной самореализации либо на *электронной агоре*, либо на *электронном рынке*. Однако Калифорнийская идеология, как выразитель «духа времени» виртуального класса, это еще и эксклюзивная религия. Если доступ к новым информационным технологиям получат лишь избранные, джефферсоновская демократия будет высокотехнологической версией плантаторской экономики

Старого Юга. Технологический детерминизм Калифорнийской идеологии отражает эти противоречия – за его оптимизмом и обещанием свободы проглядывается безысходная, подавляющая картина цифрового будущего.

Альтернативы есть

Калифорнийская идеология все еще считается, несмотря на свои противоречия, выражением принципов единственно возможного пути вперед, в будущее. С ростом глобализации многие представители виртуального класса Европы и Азии ощущают, что калифорнийские коллеги куда ближе им по духу, чем работники нецифровых отраслей в собственной стране. Однако сейчас более чем когда-либо уместно и возможно поспорить на эту тему. Калифорнийская идеология была развита группой людей, живущих в определенной стране с определенным спектром социоэкономических и технологических возможностей. Эта эклектичная и противоречивая смесь консервативной экономической мысли и радикализма хиппи отражает историю Западного побережья, но не предопределенное будущее остального мира. В частности, антигосударственные посылы калифорнийских идеологов выглядят несколько провинциально. В Сингапуре, к примеру, государство не только организует строительство оптоволоконных сетей, но и пытается идеологически контролировать передаваемую по ним информацию. А ведь азиатские «тигры» растут очень быстро, и кто знает, может быть, цифровое будущее не обязательно начнется именно в Калифорнии[45].

Несмотря на неолиберальные рекомендации доклада Бангеманна, европейские власти в целом полны решимости принять максимальное участие в развитии новых информационных технологий. «Минитель» – первая успешная онлайновая сеть в мире – была инициирована и построена французским государством. По результатам официального доклада, показавшего огромный потенциал гипермедиа, правительство решило направить ресурсы на развитие «прорывных технологий». В 1981 году *France Telecom* запустила систему «Минитель», которая поддерживала ряд текстовых информационных и коммуникационных сервисов. Будучи монополией, эта национализированная телефонная компания смогла обеспечить критическую массу пользователей своей пионерской онлайновой системы путем предоставления бесплатных терминалов каждому, кто был готов отказаться от

использования бумажных телефонных справочников. Когда рынок был создан, коммерческие и некоммерческие провайдеры нашли достаточное количество заказчиков или участников, чтобы процветать внутри системы. Начиная с этого времени миллионы французских граждан из всех социальных слоев стали весело покупать билеты, болтать друг с другом и самоорганизовываться в онлайне, не сознавая, что они тем самым нарушают либертарианские принципы Калифорнийской идеологии[46].

Далекое от идеи демонизации государства подавляющее большинство французского населения считает, что необходимо большее вмешательство со стороны общества, чтобы страна была эффективной и здоровой[47]. На недавних президентских выборах почти всем кандидатам пришлось выступать – хотя бы риторически – за более активное участие государства в борьбе с социальной изоляцией безработных и бездомных. В отличие от своего американского аналога, Французская революция пошла дальше экономического либерализма и добилась народной демократии. После победы якобинцев над их либеральными противниками в 1792 году демократическая республика во Франции стала воплощением «всеобщей воли». В этом качестве государство было призвано защищать интересы всех граждан, а не только права владельцев собственности. Дискурс французской политики позволяет государству осуществлять коллективные действия, чтобы снижать остроту проблем, стоящих перед обществом, или даже полностью их устранять. Калифорнийские идеологи стараются не замечать доллары налогоплательщиков, которыми субсидируется развитие гипермедиа, но французское государство может открыто участвовать в развитии этого сектора экономики[48].

Хотя технология «Минитель» уже сильно устарела, история этой системы с очевидностью опровергает антигосударственные предрассудки калифорнийских идеологов и комитета Бангеманна. Цифровое будущее вырастет на смешанной основе господдержки, капиталистического предпринимательства и технологической самодеятельности. Очень важно, что, если развитие гипермедиа будет патронировать государство, появится возможность предотвратить апартеид между «информационно богатыми» и «информационно бедными». Если дело не будет отдано на произвол свободного рынка, Евросоюз и входящие в него государства смогут гарантировать каждому гражданину возможность подключиться к широкополосной волоконно-оптической сети по минимально возможной цене.

Прежде всего, это был бы шаг к созданию столь необходимой схемы обеспечения рабочих мест для средне-квалифицированных

работников в период массовой безработицы. В рамках кейнсианской концепции непревзойденным методом обеспечения занятости остается оплата выкапывания ям на дорогах с последующим их закапыванием[49]. Но еще важнее, что создание волоконно-оптической сети, подключенной к домам и офисам, позволило бы предоставить каждому доступ к новым онлайновым сервисам и создать большое живое сообщество для обмена знаниями и навыками.

Долгосрочный выигрыш для экономики и общества от построения информационного суперхайвея был бы неизмеримо велик. Индустрия смогла бы работать более эффективно и выпускать на рынок новые продукты. Информационные и образовательные сервисы были бы доступны всем. Инфобан (по аналогии с автобаном), несомненно, создаст для частных компаний массовый рынок для торговли в Сети уже существующими видами информационных товаров – фильмами, ТВ-программами, музыкой и книгами. Как только люди получат возможность распространять и получать продукты гипермедиа, немедленно расцветут общественные медиа и группы по интересам. Чтобы все это воплотилось в жизнь, чтобы гарантировать приобщение всех граждан к цифровому будущему, необходимы коллективные усилия.

Второе рождение модерна

Волей или неволей, но европейцам сейчас необходимо выработать свое представление о том, каким должно быть будущее. Есть разнообразные пути к цифровому обществу, и некоторые из них более желательны, чем другие. Для того чтобы принять информированное решение, европейским цифровым ремесленникам надо провести более последовательный анализ влияния гипермедиа, чем тот, который можно извлечь из двусмысленностей Калифорнийской идеологии. Европейский виртуальный класс должен создать свою особую самоидентификацию.

Это альтернативное понимание будущего начинается с отказа от любых форм социального апартеида – как вне, так и внутри киберпространства. Любая программа развития гипермедиа должна обеспечивать доступ к новым онлайновым сервисам для всего населения. Вместо анархизма новых левых или новых правых, европейская стратегия развития информационных технологий должна открыто признавать неизбежность некоторой формы смешанной экономики – креативной и противоречивой

смеси государственных, корпоративных и самодеятельных инициатив. Неопределенность цифрового будущего есть результат повсеместности этой смешанной экономики в современном мире. Никто не знает точно, какова будет относительная сила каждого из компонентов, но коллективное действие может гарантировать, что ни одна социальная группа не будет намеренно исключена из киберпространства.

Европейская стратегия для цифровой эпохи должна также приветствовать творческий потенциал цифровых ремесленников. Благодаря тому что их труд нельзя свести к простейшим операциям или механизировать, виртуальный класс в очень большой мере сохраняет контроль над собственной работой. Вместо того чтобы подчиняться фатализму Калифорнийской идеологии, мы должны освоить прометеевский потенциал новых медиа. В рамках смешанной экономики цифровые ремесленники могут изобрести нечто совершенно новое, не описанное в научно-фантастических романах. Эти инновационные формы знания и коммуникации будут включать и достижения, полученные другими, в том числе некоторые аспекты Калифорнийской идеологии. Так, ни одно серьезное движение за социальную эмансипацию в наше время не может не касаться вопросов феминизма, наркокультуры, расширения свобод для геев и лесбиянок, этнической идентичности, других сложных вопросов, которые были впервые подняты радикалами Западного побережья. Точно так же и развитие гипермедиа в Европе потребует того, что так ценят новые правые в Калифорнии – предпринимательского рвения и смелости в постановке крупных задач. Но основой этого развития в любом случае будут инновации, креативность и изобретательность. Найти в настоящем прецеденты всех аспектов цифрового будущего – невозможно.

Будучи пионерами нового, цифровые ремесленники должны будут вновь освоить теорию и практику продуктивного искусства. Ведь они не просто чьи-то наемные работники, и даже не только будущие кибер-предприниматели. Они еще и художники-инженеры – творцы следующего этапа модернити. Привлекая опыт сен-симонистов и русских конструктивистов, цифровые ремесленники могут создать машинную эстетику информационной эпохи. Например, музыканты изобрели целые новые стили музыки, в том числе джангл и техно, при помощи компьютера[50]. Интерактивные художники изучали потенциал технологий *CD-rom,* что видно по результатам проекта *ANTI-Rom*. Центр исследований гипермедиа построил экспериментальное виртуальное соцпространство под названием *J's Joint*[51]. В

каждом случае художники-инженеры стараются пробиться за пределы возможностей технологий и превзойти собственную креативность. Самое важное, что эти новые формы выражения и коммуникаций связаны с расширением культурной базы. Разработчики гипермедиа должны доказать возможность рационального и сознательного контроля над контурами цифрового будущего. По контрасту с элитизмом Калифорнийской идеологии, европейские художники-инженеры должны построить общедоступное и всеобъемлющее киберпространство. Наступило время возрождения Модерна.

«Настоящие обстоятельства благоприятны для национализации роскоши. Роскошь станет полезной и нравственной, когда вся нация сможет ею наслаждаться. Честь и преимущество прямого, политически скоординированного использования прогресса точных наук и изящных искусств… были предоставлены нашему столетию»[52].

Киберкоммунизм: что американцы готовят на смену капитализму в киберпространстве

> *<…> не является ли результат воздействия <…> информационной революции на капитализм <…> окончательным подтверждением тезиса Маркса: на определенной ступени своего развития материальные производительные силы вступают в противоречие с производственными отношениями <…> не предвещает ли перспектива «всемирной деревни» конец рыночных отношений <…> по крайней мере в сфере оцифрованной информации?*
>
> *Славой Жижек*

Призраки в машине

Призрак бродит в интернете, призрак коммунизма. Благодаря экстравагантности новой информационной среды этот призрак принимает две различные формы. Первая из них – активное заимствование теоретических постулатов сталинского коммунизма. Вторая – повседневная практика киберкоммунизма. Все пользователи Сети, независимо от исповедуемой ими политической веры, с энтузиазмом участвуют в этом возрождении левого толка. И каждый из них мечтает о дигитальном «преображении» капитализма, будь то в теории или на практике.

С другой стороны, даже самый заядлый левак сегодня уже не может искренне верить в коммунизм. Падение Берлинской стены и крушение Советского Союза полностью дискредитировали эту идеологию. Обещания социальной свободы обернулись ужасами тоталитаризма. Мечты о промышленной модернизации завершились застоем. Коммунизм сегодня выглядит реликтом прошлого, а отнюдь не символом будущего. А самое главное – Советский Союз не смог осуществить информационную революцию. Политические и экономические структуры сталинского коммунизма оказались для новой технологической парадигмы слишком негибкими и закрытыми. Разве тоталитарная

партия могла разрешить всем желающим создавать информационную среду? Разве мог Госплан позволить производителям организовывать независимые от него структуры для совместной работы? Для развития Сети требовалось гораздо более открытое и спонтанное общество.

В последние годы сторонники почти всех радикальных идеологий сумели скорректировать свои программы в соответствии с воодушевляющим их либертарианским потенциалом грядущей цифровой конвергенции. Однако рядом с киберфеминистками, коммуникационными партизанами, техноманадами и цифровыми анархистами не нашлось места для обновленной версии столь мощного некогда сталинского коммунизма. Даже самые верные его воспеватели признают теперь, что Советский Союз воспроизвел худшие черты фордизма: авторитарность, конформизм, разрушение среды обитания[53].

Идеологи американского неолиберализма ухватились за представившуюся возможность застолбить будущее за собой. В течение почти тридцати лет они предсказывали, что новые технологии скоро создадут утопическую цивилизацию – информационное общество. Тоффлеры, например, уже давно пришли к выводу, что слияние вычислительной, телекоммуникационной и массово-информационной сред поможет личности вырваться из тисков, в которые ее зажимают большой бизнес и большая власть. В том же духе пророчествовал Итиэль де Сола Пул, считавший, что интерактивное телевидение позволит каждому создавать собственную информационную среду и участвовать в принятии политических решений. С распространением Сети по всему миру материальные и духовные ценности американского неолиберализма будут в конечном счете навязаны всему человечеству. Основатель *Wired* Луис Розетто объясняет: «Этот новый мир [мир Сети] характеризуется новой глобальной экономикой, по природе своей антииерархичной и децентрализованной, не признающей национальных границ и контроля политиков и бюрократов <…> а также глобальным сетевым сознанием <…> которое заведет <…> обанкротившуюся электоральную политику <…> в окончательный тупик»[54].

Культ дигерати

Нарциссизм Калифорнийской идеологии отражает самоуверенность нации-триумфатора. После победы в холодной войне у США не осталось серьезных военных или политических

соперников. Удалось обойти даже экономических конкурентов из ЕС и Восточной Азии. Большинство комментаторов считает, что гегемония США зиждется на лидерстве в новых информационных технологиях. Ни одно государство не может противостоять «умному оружию», которое есть у американских военных. Немногие компании могут выстоять против «умных машин», используемых американскими корпорациями. А главное, США доминируют на переднем крае технологических новаций – в Сети. Воплощая американскую мечту, немногочисленные счастливцы делают гигантские состояния, продавая акции своих высокотехнологичных фирм на Уолл-стрит[55]. Многие другие, под гипнозом коммерческого потенциала электронной торговли, вкладывают свои сбережения в спекуляцию акциями интернет-компаний.

Ажиотаж вокруг акций интернет-компаний <…> можно сравнить разве что с тюльпанной лихорадкой в Голландии в начале 1600-х[56].

Несмотря на все богатство, порождаемое техническими инновациями, пропасть между богатыми и бедными в Соединенных Штатах расширяется[57]. В отличие от европейского и восточноазиатского капитализма, американский неолиберализм умеет успешно сочетать экономический прогресс с социальной неподвижностью. К этому единству противоположностей – реакционному модернизму – консерваторы постоянно стремились еще со времен Французской революции 1789 года[58]. Социальные последствия экономического роста, необходимые для выживания капитализма, всегда пугали правых. Непрерывная индустриализация медленно, но верно размывает классовые привилегии. По мере роста своих доходов «простой народ» начинает все в большей степени определять политические интересы и культурную ориентацию общества. Многие поколения консерваторов сталкивались с дилеммой согласования экономического развития с социальной статичностью. И всегда, несмотря на глубокие идеологические различия, они предлагали один и тот же рецепт: формирование аристократии от высоких технологий.

В ранних версиях этой реакционной фантазии упор делался на иерархическое разделение труда (как при фордизме). Хотя индустриальная система уничтожила множество ремесел и умений, она же создала новые области специализации. В рамках фордизма инженеры, бюрократы, преподаватели стали прослойкой между менеджментом и «работягами»[59]. В отличие от большинства наемных работников, эта часть рабочего класса обладала высокими доходами и не находилась в зависимости от

сборочного конвейера. Боясь потерять свои ограниченные привилегии, некоторые профессионалы с энтузиазмом поддерживали реакционный модернизм. Вместо борьбы за социальное равенство они мечтали основать новую аристократию: технократию.

«Разум, наука, техника – не безликие и бездушные механизмы, позволяющие людям делать открытия, обмениваться ими и применять их на практике. Напротив, это средства, при помощи которых одни люди, используя определенные системы, организуют и направляют жизнь других людей в соответствии со своими предпочтениями»[60].

В годы расцвета фордизма новый правящий класс формировался из менеджеров и других профессионалов, работавших в крупных корпорациях или в правительстве[61]. Но когда в начале семидесятых начался экономический кризис, интеллектуалы правого крыла были вынуждены искать поддержки других частей упомянутой прослойки. Вдохновленные Маршаллом Маклюэном, они вскоре обнаружили, что все большее число людей работает над развитием новых информационных технологий. И вот уже почти тридцать лет консервативные гуру предсказывают, что новый правящий класс будет состоять из венчурных капиталистов, передовых ученых, гениальных хакеров, медиазвезд и неолиберальных идеологов – то есть из *дигерати*. А пропагандируя свои пророчества, они всегда подчеркивают, что любой профессионал хайтека может стать одним из этих новых аристократов. В эпоху конвергенции информационных индустрий умелые работники необходимы для создания оригинальных продуктов – например, разработки программ или дизайна веб-сайтов. Большинство цифровых ремесленников, как и их коллеги в других отраслях, ощущает непрочность своего положения при контрактном найме. Однако они лучше зарабатывают и пользуются определенной независимостью. Как и в прошлом, двусмысленность этой социальной позиции стимулирует безоглядное доверие к реакционному модернизму. В погоне за американской мечтой многие рабочие хайтека надеются заработать миллионы, основав собственную компанию. Вместо того чтобы идентифицировать себя с массой таких же наемных работников, они стремятся выбиться в *дигерати*, новую технократию Сети[62].

В отличие от ранних форм консерватизма, в Калифорнийской идеологии это желание доминировать над другими не выражается открыто. Вместо этого гуру утверждают, что от правления *дигерати* выиграют все. Ибо кто такие *дигерати*, как не изобретатели изощренных машин и улучшатели методов

производства? Просто они первыми начинают пользоваться теми услугами хайтека, которыми впоследствии будут наслаждаться все. Со временем *дигерати* обратят узы фордизма в свободы информационного общества. Компромиссам представительной демократии придет на смену непосредственное участие каждого в работе *электронной ратуши* (*electronic town hall*). Пределы, которые нынешние медиа кладут творческим порывам личности, будут преодолены интерактивными формами эстетического выражения. Даже физические границы тела будут преодолены в киберпространстве. В Калифорнийской идеологии кратковременная автократия немногих неизбежна для грядущего в долгосрочной перспективе освобождения масс.

«Не „имущие“ и „неимущие“ – [но „ныне-имущие“ и] „позже-имущие“»[63].

Меньшинство, дарующее свободу

То, чего сейчас, в эпоху Сети, ждут от *дигерати,* в эпоху стали и электричества уже ожидалось от других героических элит. Начиная с конца XIX века в научно-фантастических романах расхожим сюжетом становится решение социальных проблем с помощью передовой техники, изобретаемой небольшой группой ученых и философов. Еще более старинную родословную имеет в кругах политических активистов вера в руководящую роль просвещенного меньшинства. На пике Французской революции в 1790-х годах якобинцы решили, что демократическая республика может быть создана лишь путем революционной диктатуры. Хотя их режим и боролся за политическую и культурную свободу, значительная часть населения отчаянно сопротивлялась модернизации французского общества. По мнению якобинцев, умы этих традиционалистов были развращены аристократией и церковью. Революционная диктатура была нужна не только для подавления вооруженных мятежей, но и для популяризации принципов революционной демократии. Ибо прежде чем участвовать в принятии политических решений, гражданам следовало стать образованными людьми. Кратковременная тирания меньшинства должна была привести, в долгосрочной перспективе, к демократии для большинства[64].

Якобинцы удержались у власти лишь несколько лет. Однако их пример вдохновил многие поколения революционеров. Радикальные группы разных стран сталкивались с одной и той же проблемой трансформации традиционного общества в индустриальный социум. Независимо от идеологических

различий миссия революционного меньшинства была неизменной – вести массы к модернизации. К середине XIX века европейские левые осознали, что эта цель культурной и политической эмансипации может быть достигнута лишь на пути экономического прогресса. Тогда же Анри де Сен-Симон разъяснил, что могущество аристократии и церкви зиждется на сельском хозяйстве. Если же модернизировать экономику, то власть и богатство неизбежно перейдут к представителям новых промышленных профессий: предпринимателям, рабочим, политикам, художникам и ученым. Как и якобинцы, Сен-Симон настаивал на том, что новая элита не будет преследовать лишь собственные интересы. Ведь модернизаторы будут выполнять историческую роль освобождения своих менее удачливых собратьев из тьмы невежества и нищеты. Создав экономическое изобилие, просвещенное меньшинство даст каждому возможность счастливо жить, принося пользу обществу.

«Политика отныне должна стать не более чем наукой о том, как обеспечить народ наибольшим количеством товаров и как добиться того, чтобы он испытывал глубокое моральное удовлетворение»[65].

Вдохновленные Сен-Симоном, ранние социалисты верили, что экономический рост неизбежно приведет к политической и культурной эмансипации. Капитализм требовал непрерывного совершенствования производительных сил, то есть способов и машин для производства товаров и услуг. Со временем прогресс постепенно подрывал частную собственность на бизнес, то есть производственные отношения. Согласно этой версии учения Сен-Симона, растущая взаимозависимость всех частей современной экономики должна была в итоге привести к торжеству более коллективных форм социальной организации. Левые парламентские партии Европы были уверены, что, несмотря на временные трудности, окончательная победа неизбежна: рано или поздно развитие производительных сил демократизирует производственные отношения[66].

К середине двадцатого века этот марксистский ремикс Сен-Симона был взят на вооружение апологетами тоталитаризма. Еще до захвата власти В. И. Ленин настаивал, что революционные интеллектуалы должны создать прототип якобинской диктатуры – партию авангарда. При старом режиме мозги людей были засорены ошибочными идеями церкви, правых газет и других культурных институтов. Историческая миссия просвещенного меньшинства состояла в том, чтобы повести невежественные массы в утопическое будущее. После русской революции 1917 года Ленину и его сторонникам удалось установить диктатуру во

имя модернизации. Задачами нового режима (как и его предшественника во Франции 1790-х) стала борьба против реакционных сил и за просвещение населения[67]. Помимо этого, революционная диктатура взялась за еще более важную задачу – индустриализацию российской экономики. Опираясь на исследования Сен-Симона и его марксистских интерпретаторов, Ленин утверждал, что экономическая модернизация в конечном счете приведет к политическому и культурному освобождению. Вводя авторитарное правление на короткий срок, русские революционеры надеялись в долгосрочной перспективе создать демократию с широким представительством[68].

Решимость осуществить модернизацию экономики именно таким путем вскоре привела к ликвидации всех политических и культурных свобод. Обещаниями грядущей эмансипации оправдывали уничтожение и заточение в лагеря миллионов людей. Творчество художников было сведено к созданию пропагандистской продукции для тоталитарной партии. Модернизационная диктатура потеряла всякий интерес даже к улучшению условий жизни масс. Советское руководство оказалось во власти идеи внедрения новых технологий, считая это автоматическим доказательством роста производительных сил. Уже в 1930-е годы преемник Ленина Иосиф Сталин оценивал продвижение к утопическому будущему ростом производства стали, автомобилей, тракторов и станков. Экономическое развитие превратилось в самоцель.

«Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства <…> уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе…»[69]

В XIX столетии не существовало четкого определения коммунизма. Михаил Бакунин усматривал его истоки в крестьянской общине, а Карл Маркс полагал, что эту новую формацию предвосхищают промышленные кооперативы. Однако после победы Советского Союза над нацистской Германией в 1945 году сомнений в том, что такое настоящий коммунизм, быть уже не могло. Почти все революционные движения в мире исповедовали ту или иную разновидность сталинизма, предполагавшего, что радикальные интеллектуалы должны создавать партию авангарда для свержения существующего строя. Придя к власти, это революционное меньшинство должно было установить диктатуру во имя модернизации. Кроме обеспечения безопасности и просвещения народа, в задачи тоталитарного государства входила организация быстрого экономического развития[70]. Практически все радикалы считали, что сталинская

версия коммунизма выдержала испытания и в заводском цехе, и на поле боя. С началом холодной войны любые другие интерпретации были отброшены на обочину. В течение почти пятидесяти лет имперское состязание сверхдержав рассматривалось как яростная идеологическая борьба между русским коммунизмом и американским капитализмом.

Сталин в Кремниевой долине

В период холодной войны каждая из сторон утверждала, что именно ее общественно-экономическая структура является образцом для всего человечества. Но несмотря на то, что апологеты обеих сверхдержав отстаивали соперничающие системы, они (не сознавая этого) опирались на один и тот же теоретический источник – учение Сен-Симона. Начиная с 1917 года российское государство постоянно использовало футуристические пророчества Сен-Симона для оправдания своих действий. Соединенные Штаты воспользовались примером своего соперника по холодной войне. Рекламируя либеральный капитализм, американские пропагандисты подражали теоретической риторике коммунистов сталинского образца: правление капиталистического меньшинства служит долгосрочным интересам большинства населения, а любые изъяны американского общества скоро исцелятся благотворным влиянием дальнейшего экономического роста. Но, что важнее всего, главным подтверждением мощи утопического потенциала США считалось непрекращающееся внедрение новых технологий, этого символа роста производительных сил[71]. Параллельно с военно-политической борьбой за «сферы влияния» сверхдержавы состязались за право олицетворять будущее.

Воздействие сталинского коммунизма на теоретические воззрения американских интеллектуалов правого крыла отнюдь не прекратилось с коллапсом Советского Союза. Напротив, глобальная миссия США стала еще очевиднее после победы над тоталитарным соперником. Американский неолиберализм, согласно одному из его апологетов (Фукуяма), в настоящее время реализует гегельянский «конец истории». Хотя войны и конфликты будут продолжаться, альтернативной общественно-экономической системы больше не существует. Для сторонников Калифорнийской идеологии подтверждением этого нарциссического взгляда служит американское доминирование на переднем крае экономической модернизации – в Сети. Если же другие государства тоже захотят жить в информационном веке,

им придется имитировать причудливую американскую общественную систему.

Как и в эпоху холодной войны, нынешнее прославление американского неолиберализма опирается на ряд теоретических посылок, заимствованных из сталинского коммунизма. Просвещенное меньшинство вновь призвано повести невежественные массы к утопической цивилизации. Те, кто страдает от внедрения информационных технологий, должны утешиться обещанием грядущей свободы[72]. *Дигерати*, как тот самый российский тиран, определяют приближение утопии ростом числа имеющихся в собственности современных артефактов – домашних компьютеров, пейджеров, мобильных телефонов и лэптопов[73].

Хотя Советский Союз давно исчез, носители Калифорнийской идеологии продолжают осваивать теоретическое наследие сталинского коммунизма:

Партия авангарда	Дигерати
Пятилетний план	Новая парадигма
«Молодежь, на трактор!»	«Ботаны, в Сеть!»
Третий Интернационал	Третья Волна
Москва	Кремниевая Долина
«Правда»	*Wired*
Линия партии	«Единое мышление»
Советская демократия	Электронные ратуши
Лысенковщина	Меметика
Общество-завод	Общество-улей
Новый советский человек	Постчеловек
Стахановское перевыполнение норм	Ненормированная работа по контракту
Чистки	Сокращения
Русский национализм	Калифорнийский шовинизм

В дискуссиях о Сети, идущих в промышленно развитых странах, сейчас доминирует именно такое, консервативное освоение идей сталинизма. Каждый гуру отмечает возникновение новой технократии: *дигерати*. Каждый публичный эксперт объявляет, что эти пионеры Сети строят новую утопию: информационное общество. Однако подобно советским предшественникам, нынешние интеллектуалы правого крыла способны произвести лишь искаженные копии пророчеств Сен-Симона. Этот философ-социалист хотел, чтобы экономический прогресс стал инструментом свободы для всех. Сторонники же реакционного модернизма исключают большинство населения из высотехнологического будущего. Дело в том, что привилегии *дигерати* основаны на подчиненном положении непросвещенных масс. В Калифорнийской идеологии перманентная технологическая революция всегда предполагает неизменность социальной иерархии. Но если экономическая модернизация не обещает «великого избавления», она превращается в самоцель. Консервативные философы вновь сулят нам прелести воображаемого будущего, чтобы отвратить от попыток сделать лучше то настоящее, в котором мы живем сейчас.

Информационное общество всегда «вот-вот должно возникнуть», но это возникновение постоянно откладывается. В США, как и в бывшем СССР, пророчество Сен-Симона не предполагается реализовать никогда. Напротив, развитие производительных сил организуется так, чтобы укреплять существующие производственные отношения. Как общественные, так и частные организации вводят в обиход новые информационные технологии только и исключительно для продвижения своих собственных интересов. Военные в США финансировали разработку Сети еще в 1960-х, в порядке подготовки к ядерной войне. Начиная с 1970-х финансовые рынки используют компьютерные сети для установления своей гегемонии по всему миру. В течение нескольких последних лет как капиталистические компании, так и государственные учреждения освоили Сеть для того, чтобы улучшить коммуникации со своими сотрудниками, контрагентами и клиентами. В данный момент любой спекулянт на Уолл-стрит пытается отыскать такого киберпредпринимателя, который построит новый *Microsoft*. Выясняется, что, несмотря на все утопические прогнозы *дигерати*, конвергенция компьютинга, телекоммуникаций и медиа сама по себе не порождает с неизбежностью освобождающий потенциал. Иерархии рынка и государства доминируют в информационном обществе, как было и в более ранних формах капитализма[74].

В начале нового тысячелетия американский неолиберализм достиг, кажется, противоречивых целей реакционного модернизма: экономического прогресса в сочетании с социальной неподвижностью. Поскольку долгосрочная цель – всеобщее освобождение – не будет достигнута никогда, временное правление *дигерати* может продолжаться вечно. Однако, как и в бывшем Советском Союзе, эта диалектика развития и статики оказывается внутренне неустойчивой. Проводя модернизацию в крестьянских странах, правящие партии коммунистов-сталинистов постепенно разрушали фундамент собственной власти. Со временем производственные отношения, сформированные тоталитаризмом, становились несовместимыми с непрерывным ростом производительных сил. В этот исторический момент Сен-Симон наконец-то отомстил своим лжепоследователям.

«[Сталинистская] коммунистическая революция принесла известный промышленный прогресс обширным территориям в Европе и в Азии. Тем самым были созданы материальные основы для будущего, более свободного общества. Таким образом, принеся с собой полнейший деспотизм, коммунистическая революция создала также и предпосылки для уничтожения деспотизма»[75].

Американский неолиберализм сейчас так же подтачивается развитием производительных сил, как когда-то его главный противник. В соответствии с прогнозами Сен-Симона, полный потенциал недавних технологических и социальных достижений не может быть реализован в рамках традиционных иерархий капитализма. Один из постулатов Калифорнийской идеологии гласит: Сеть зиждется на покупке и продаже информационных товаров и услуг. Индивидуальные желания могут быть удовлетворены только через рыночную конкуренцию. Тем не менее, выходя в онлайн, пользователи Сети заняты большей частью дарением информации и получением ее в дар. В киберпространстве люди совершенно спонтанно начинают использовать наиболее демократические методы совместной работы.

Во исполнение пророчества Сен-Симона, эти новые производственные отношения появились на острие экономического прогресса, а именно – в Сети. Неудивительно, что пионером подобных отношений стало привилегированное меньшинство населения Земли: те, кто имеет доступ к компьютерным коммуникационным технологиям. В результате такие новые способы работы наиболее распространены в ведущей капиталистической стране – США. Для реализации пророчества

Сен-Симона теперь созданы все технологические и социальные условия. Идеологи-консерваторы зачарованы теоретическим наследием сталинского коммунизма, но остальные американцы открывают для себя практические выгоды новой версии этой концепции – киберкоммунизма.

«В культурах даров адаптация происходит не к дефициту, а к изобилию. Они возникают в популяциях, которые не имеют существенных проблем, связанных с нехваткой товаров, необходимых для выживания»[76].

Сетевая экономика дарения возникает из технологических и социальных достижений, катализированных капиталистической модернизацией. В течение последних трехсот лет воспроизведение и распределение информации, а также манипуляция ею становились все проще и проще в ходе длительного развития механизации. С помощью ручных прессов печатались бумажные копии текстов – довольно дорогие, ограниченные в количестве и не поддающиеся изменениям без полной перепечатки. Прошли поколения технологических усовершенствований, и теперь тот же объем текста с легкостью тиражируется, копируется и редактируется в Сети. Однако для доступа к этой продвинутой системе коммуникаций индивидам требуются деньги и время. Бóльшая часть населения Земли все еще живет в бедности, но обитатели промышленно развитых стран после двух столетий экономического роста стали жить богаче и при этом меньше времени отдавать работе. Со времен расцвета фордизма массовое производство всегда находилось в зависимости от наличия у работников ресурсов и свободного времени на массовое потребление[77]. Обладая свободным временем и доходами, которые они готовы потратить, многие работники из ведущих стран сегодня получили возможность развивать собственные проекты[78]. Лишь к этому историческому моменту техническое и социальное развитие достигло необходимого уровня, чтобы обеспечить возникновение киберкоммунизма.

«Капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством»[79].

Академическая экономика дарения

Создание Сети стало величайшей иронией эпохи холодной войны. В апогее борьбы против сталинистского коммунизма американское военное ведомство ненароком профинансировало киберкоммунизм. Столкнувшись с угрозой ядерной атаки на

структуры военного и гражданского управления, правительство субсидировало экспериментальные разработки систем коммуникации на основе компьютеров. Однако созданную в интересах военных Сеть ее создатели вскоре стали использовать для собственных нужд. Ученые, что самое интересное, даже не обсуждали других вариантов, кроме бесплатного распространения информации через новую систему коммуникаций. В отличие от большинства отраслей производства, обобществление труда в университетах давно строилось на основе экономики дарения. Ученые, чей труд финансируется из государственных фондов или через пожертвования на развитие науки, избавлены от необходимости конвертировать плоды своей интеллектуальной работы в рыночный продукт. Вместо этого результаты исследований делают публичными, докладывая их на конференциях или публикуя в академических журналах. Цитирование опубликованных работ другими исследователями ведет к признанию в профессиональной среде, а это улучшает карьерные перспективы ученого в университетской системе. Несмотря на растущую коммерциализацию, передача своих достижений в общее пользование остается самым эффективным методом совместной работы над научными проблемами.

«Рациональный подход к высококвалифицированному интеллектуальному труду отличается от рациональности обычного рынка.

…В профессиях, связанных с трудом такого типа, в особенности в науке, отречься от поддержания нравственного контроля значило бы разрушить всю систему. Исполнитель такой работы должен… отвечать за ее результаты и поэтому не может быть отчужден от них»[80].

Благодаря первопроходцам-ученым экономика дарения прочно укоренилась в обычаях Сети. С течением времени счастливый круг пользователей постепенно расширялся, охватив сначала спецов-любителей, а позже и широкую публику. От новых участников требуется не только соблюдать технические правила системы, но и принять некоторые социальные соглашения. Но даже не задумываясь об этом, люди постоянно обмениваются друг с другом бесплатной информацией. Хотя Сеть и расширилась далеко за пределы университетов, ее пользователи по-прежнему предпочитают сотрудничать, не вступая в денежные отношения.

Для принятия киберкоммунизма есть даже эгоистичные резоны. Самим своим присутствием каждый пользователь вносит что-то свое в коллективное знание, доступное тем, кто уже подключен к Сети. В ответ на этот подарок каждый индивид

получает потенциальный доступ ко всей информации, предоставляемой через Сеть другими. В рыночной экономике покупатели и продавцы стараются обмениваться товарами равной ценности. В высокотехнологической экономике дарения, однако, каждый получает от своих коллег-пользователей гораздо больше, чем он способен отдать в общее пользование[81]. Неудивительно, что не слышно криков с требованиями ввести в Сети правила эквивалентного рыночного обмена. Даже самые догматичные неолибералы с удовольствием приобщаются к киберкоммунизму.

Эти отношения свободного обмена были отражены непосредственно в технологической структуре Сети. Несмотря на то что работа по ее созданию финансировалась военными, ученые разрабатывали компьютерные коммуникации так, чтобы обеспечить эффективное распространение и обработку собственных научных данных. У себя в университетах они никогда не относились к подобной информации как к товару. Напротив, их академической карьере способствовало свободное распространение результатов научного труда. Создавая коммуникационную систему для собственного пользования, они заложили эти методы работы и в технологии Сети[82]. Построенная ими система опирается в первую очередь на постоянное и ничем не стесненное воспроизведение информации. Любое соединение в онлайне включает копирование того или иного материала с одного компьютера на другой. Как только информация размещена в Сети, стоимость ее дальнейшего копирования стремится к нулю. Архитектура системы позволяет легко разместить множественные копии любого документа в разных узлах Сети. Хотя большинство нынешних пользователей не принадлежат к академической среде, техническая конструкция Сети по-прежнему подразумевает, что информация – это подарок.

«В информационном пространстве можно говорить об авторстве материалов и их восприятии, но… есть необходимость в поддерживающей инфраструктуре, чтобы делать копии материалов просто для обеспечения эффективности и надежности. Концепция копирайта, выраженная в терминах „экземпляров“, в этих условиях теряет смысл»[83].

Затмение копирайта

Несмотря на громадную популярность, экономика дарения в Сети станет, кажется, лишь временным отклонением от нормы. Околдованные Калифорнийской идеологией, почти все политики, высшие руководители бизнеса и влиятельные публичные

эксперты убеждены, что компьютерные коммуникации могут развиваться только в условиях рыночной конкуренции между частными компаниями. Как и другие продукты, информация должна покупаться и продаваться как товар. Эта вера в рыночные силы идет из исторического опыта. В течение последних трех столетий производительность труда радикально выросла благодаря связующей роли товарного обмена. Работники и ресурсы перераспределяются в самые эффективные секторы экономики в соответствии с динамикой цен. Соревнуясь с конкурирующими фирмами, предприниматели постоянно улучшают методы и средства производства. Личный интерес индивидов может служить росту богатства всей страны, если подчинить его дисциплине рынка[84].

Отцы-основатели либеральной экономики открыли базовый парадокс капитализма: индивидуальная собственность есть необходимое условие коллективного труда. В обществах, существовавших до эпохи модерна, знать и церковь владели и управляли своими землями в рамках феодальных прав и обязанностей. Крестьянский труд велся в соответствии с определенным набором обычаев, существовавших в каждой местности. Пионеры капитализма пошли по совершенно иному пути, сделав землю торгуемым товаром при помощи «огораживаний». Когда путы феодальных отношений были устранены, разные виды труда в разных регионах стало возможно регулировать единым механизмом: рынком. За последние несколько столетий эта форма коллективного труда стала повсеместной. Ведь дисциплина рыночной конкуренции не только подняла производительность в традиционных отраслях, но и стимулировала развитие новых отраслей. В наиболее развитых странах обычные люди теперь пользуются товарами, недоступными в прежние времена даже королям и Папам. Однако каждое из этих технологических чудес было сформировано причудливыми производственными отношениями капитализма. Новый продукт должен не только удовлетворять какое-нибудь человеческое желание, но еще и быть успешно продаваемым товаром. В рыночной экономике «огораживания» результатов коллективного труда происходят постоянно[85].

При капитализме большинство вещей и услуг производятся как товар. Если это материальные объекты или ограниченные во времени действия, такая социальная трансформация обычно не приводит к проблемам. Однако «коммодификация» (превращение в товар) интеллектуального труда всегда вызывала трудности. Если обучение и развлечение хотя бы похожи на другие услуги, то публикации очень отличаются от других «вещей». Большая часть

работы по созданию информационного продукта приходится на изготовление его первого экземпляра. Даже когда печатали ручными печатными прессами, затраты на печать снижались с каждым последующим экземпляром. На открытом рынке такое положение вещей поощряло бы издателей к плагиату существующих работ вместо оплаты создания новых. Первые капиталистические страны быстро открыли прагматическое решение данной экономической проблемы: копирайт. Культурные артефакты мог купить каждый, но право воспроизводить их ограничивалось законом. Как и любая другая форма труда, интеллектуальный труд теперь мог быть обращен в товар[86].

«Мильтон создавал „Потерянный рай“ с той же необходимостью, с какой шелковичный червь производит шелк. Это было действенное проявление его натуры. Потом он продал свое произведение за 5 ф. ст.»[87]

В конце двадцатого столетия копирайт продолжает обеспечивать юридические рамки для оборота информационной продукции. Многие формы интеллектуального труда продаются как товар: книги, музыка, фильмы, игры и программное обеспечение. Издатели артефактов, защищенных копирайтом, создали мощные индустрии, международные мультимедийные компании. Международные юридические соглашения, защищающие интеллектуальную собственность, постоянно ужесточаются: Бернская конвенция, правила ВТО, *TRIPS*[88]. Неудивительно, что большинство политиков, руководителей бизнеса и публичных экспертов полагают, что Сеть ждет неминуемая коммерциализация. Как это уже было с радиовещанием и кабельным телевидением на ранних этапах их развития, экономика дарения просуществует в Сети недолго. Как в других культурных индустриях, интеллектуальный труд в киберпространстве должен конвертироваться в информационные товары[89].

Предвидя эту одержимость коммерциализацией, некоторые из пионеров попытались встроить защиту от нарушений копирайта прямо в компьютерные коммуникации. Например, проект Теда Нельсона *Xanadu* включал сложную систему отслеживания и оплаты для защиты интеллектуальной собственности. Используя это программное обеспечение, люди могли совместно работать, торгуя друг с другом информационными товарами. Однако блестящая технологическая схема *Xanadu* не сработала по чисто социальным причинам[90]. Вместо того чтобы стимулировать совместную работу, защита копирайта оказалась серьезным препятствием к онлайновой коллаборации. Ведь большинству людей гораздо ценнее участие в

бесплатном обращении информации, чем в торговле товарами культурных отраслей. Предоставляя открытый доступ в Сети к продуктам своего труда, пользователи получают взамен гораздо больший объем результатов работы других. Трудно заставить людей покупать защищенные копирайтом продукты цифровой экономики, когда в их распоряжении такое изобилие бесплатных альтернатив. Сеть пока что не особенно ускоряет коммодификацию, оставаясь практическим доказательством старого хакерского лозунга – «Информация хочет быть свободной»[91].

Сейчас, на острие современности, товарный обмен играет вторичную роль по сравнению с оборотом даров. «Огораживанию» результатов интеллектуального труда бросает вызов более эффективный метод работы – свободное раскрытие результатов. Университетские ученые давно практикуют объединение полученных результатов в единый пул, работая над проблемами в своих областях знания. С ростом Сети все больше людей открывают для себя преимущества экономики дарения. Ведь они получают не только возможность делиться своим вкладом, но и доступ к знаниям многих других. Пользователи Сети ежедневно отправляют электронные письма, участвуют в списках рассылки, создают веб-сайты, пишут в новостные группы и работают в онлайновых конференциях. Происходит непрерывное раскрытие результатов интеллектуального труда, не заключенных более в товарные рамки. Пассивное потребление фиксированных информационных продуктов трансформируется в живой поток «интерактивного творчества»[92].

«Логика цифровых технологий ведет нас в новом направлении. Объекты, как и идеи, уже не неподвижны, не осязаемы. В киберпространстве нет веса, нет пространственных измерений, структуры динамичны и переменчивы, размер бесконечен и нематериален. В этом пространстве пишутся истории, которые меняются при каждом прочтении, новый материал может быть добавлен, старый изъят. Ничто не постоянно»[93].

Интерактивное творчество пользователей Сети очень разнообразно. Некоторые онлайн-взаимодействия мимолетны, другие превращаются в долговременное сотрудничество. Многие пользователи общаются только со своими друзьями и членами семьи, но некоторые развивают отношения, существующие исключительно в рамках Сети. В онлайне общаются в основном о пустяках, но возникают и другие группы, где говорят о серьезных вещах. На основе этого разнообразия интерактивного творчества пользователи Сети выработали особую форму социальной

организации: сетевые сообщества[94]. Благодаря свободному обращению даров, индивиды могут совместно работать над общими проектами. Ведь участники сетевых сообществ не только развлекаются, они включены и в непрерывный процесс коллективного труда. Каждый может посылать в подарок своим онлайновым коллегам тексты, видео, анимации, музыку, игры и другой софт. Взамен пользователь сам получает массу виртуальных подарков от своих товарищей по сообществу. Делая свой индивидуальный вклад, каждый становится потенциальным обладателем результатов творчества всех членов сетевого сообщества[95].

Удовольствие от дарения и получения даров может радикально изменить личное восприятие коллективного труда. В рамках рынка индивиды в основном сотрудничают через обезличенный товарообмен. Покупатель и продавец мало интересуются судьбами друг друга. Напротив, обращение даров побуждает к развитию дружбы между участниками процесса. Построение успешного сетевого сообщества – это всегда работа ради удовольствия, а не ради денег. Работа при киберкоммунизме может быть не только более продуктивной, но и более приятной, чем при цифровом капитализме. Как говорит Говард Рейнгольд, социальные преимущества высокотехнологической экономики дарения не ограничены одной лишь Сетью. Несмотря на все свое богатство, многие американцы страдают от изоляции и отчуждения, порождаемых рыночной конкуренцией. К счастью, некоторые из них теперь могут найти дружбу и близость в сетевых сообществах. Поскольку нет необходимости в «огораживании» коллективного труда в киберпространстве, у американцев появилась возможность компенсировать ущерб от того, что их страна «потеряла чувство социальной общности»[96].

Результаты интерактивного творчества в сетевых сообществах часто бывают тривиальны и скучны. Но некоторые онлайновые коллаборации создают чрезвычайно сложные продукты. Среди наиболее известных коллабораций те, что работают над свободным программным обеспечением. С самого начала ученые создавали базовые программы Сети в формате даров. Экспоненциальный рост системы стал возможным только благодаря отсутствию барьеров собственности. В частности, хотя проект *Xanadu* и содержал бóльшую часть технических возможностей веба (всемирной паутины, *world-wide-web*), ему не хватило свободы от пут копирайта, которая стала решающим фактором в успехе детища Тима Бернерса-Ли. Ни программное обеспечение веба, ни веб-сайты, работающие на его основе, не проектировались как инструменты рыночной экономики[97].

В последние годы стремительный рост Сети катализировал энергичное возрождение хакерской этики. Испытывая все большее раздражение от коммерческих продуктов, технари объединились, чтобы писать собственный софт. Возможности программы, «огороженной» копирайтом, заморожены до выхода следующей версии – нельзя даже исправить найденные в ней ошибки. Напротив, открытая «виртуальная машина», предоставленная в качестве подарка, может постоянно совершенствоваться каждым, кто обладает нужной квалификацией. Продукт превратился в процесс. Главное, что каждый участник сетевого сообщества, работающий над программой, потенциально имеет доступ к компетенциям всех своих коллег. Если один из участников не может решить проблему, другие члены группы помогут найти решение[98]. Включаясь в интерактивную креативность, технари, которые ранее были изолированы друг от друга, заводят друзей по всему миру. Как и в случае других сетевых сообществ, коллективный труд при разработке свободного софта может быть не только более эффективным, но и более приятным, чем при работе над коммерческими проектами. С ростом технологической конвергенции экономика дарения, рожденная в Сети, постепенно занимает все большее место в рыночной экономике компьютинга[99]. Начав с прототипа, созданного Линусом Торвальдсом, сетевое сообщество разработчиков строит свою собственную непроприетарную операционную систему *Linux*[100]. Впервые *Microsoft* столкнулся с серьезным соперником своей *Windows*. Многие американские специалисты, «огороженные» капиталистической монополией, вкладывают много труда в развитие прагматической альтернативы – софтверного киберкоммунизма.

«…Поиск ошибок в программе не очень серьезная проблема – по крайней мере, она становится не очень серьезной, когда тысяча энергичных со-разработчиков прочесывает каждую новую версию»[101].

Конвергенция множества различных технологий вокруг цифровых форматов укрепляет экономики дарения, существующие в других областях культурного производства. По мнению глобальных мультимедийных корпораций, Сеть скоро начнет использовать рыночные методы. Цифровая информация, защищенная шифрами и паролями, превратится в товар. Однако этим вдохновенным огораживателям Сети уже брошен вызов частичной декоммодификацией в их собственных культурных индустриях. Например, переписывание музыки на домашние магнитофоны существует много десятилетий. Непрерывный прогресс в цифровом копировании и быстрое распространение

Сети только упрощают этот вид пиратства по отношению к материалу, защищенному копирайтом[102]. Но еще важнее, что самые инновативные формы поп-музыки возникают сейчас на почве креативного освоения интеллектуальной собственности, принадлежащей другим: так возникли стили хаус, хип-хоп, драм-н-бейс. Мелодии и ритмы теперь не заморожены в рамках единственной записи, они могут подвергаться сэмплингу, смешиваться, перезаписываться в разных версиях. Если кто-нибудь выдвигает хорошую идею, множество других музыкантов постараются довести ее до блеска. Как и сама Сеть, нынешняя диджей-культура – это интерактивное творчество[103].

Годами самым популярным поисковым запросом предсказуемо оставалось слово «секс». Но в 1999 году на первое место вышло название цифрового формата музыкальных записей, доступных в Сети: *MP3*. Для коммерческой музыкальной индустрии это означает, что не очень серьезная проблема переписывания музыки на домашний магнитофон разрастается до масштабного кризиса. Копирование и распространение музыки настолько упростились, что многие раздают цифровые музыкальные записи не только друзьям, но и совершенно незнакомым людям. По мере того как музыка интегрируется внутри сети, нехватка товаров спонтанно трансформируется в изобилие даров[104]. Технологическая конвергенция не только упрощает пиратство существующих музыкальных записей, но и укрепляет интерактивное музыкальное творчество. Как многие другие, музыканты работают совместно, заводя новых друзей и вдохновляя друг друга в сетевых сообществах. Публикуя свою продукцию, они могут дарить собственную музыку всем пользователям Сети в мире. В этих онлайновых коллаборациях рождаются новые формы ритмической выразительности: мидиджемминг, интерактивная музыка, кибер-транс.

По мере проникновения в Сеть технологий других медиа все формы культурного производства постепенно интегрируются в высокотехнологическую экономику дарения. Даже телевидение и создание кино скоро будут трансформированы возможностями интерактивного творчества. Несмотря на свою мощь и богатство, глобальным мультимедийным корпорациям остается только принять эту экономическую трансформацию. Пользователи Сети совершенно спонтанно переходят на более эффективные и приятные способы совместной работы. На заре нового тысячелетия многие американцы уже пользуются практическими преимуществами киберкоммунизма:

товар	дар
огораживание	раскрытие
копирайт	пиратство
неподвижное	текучее
продукт	процесс
проприетарный [софт]	[софт] с открытым кодом
шифрование	свободное скачивание
оригинальная запись	последний ремикс
нехватка	изобилие
отчужденность	дружба
рыночная конкуренция	сетевые сообщества
электронная торговля	киберкоммунизм

Рынок на общинах

В сравнении с остальным человечеством, жители США уже сейчас весьма привилегированны, хотя все еще не имеют адекватного социального обеспечения. Почти все американцы не только потребляют больше товаров и услуг, но и пользуются более широкими демократическими свободами, чем большинство жителей Земли. За последние двести лет непрерывное расширение и интенсификация товарного обмена колоссально повысили производительность коллективного труда в США. Предприниматели, чью деятельность регулировало федеральное правительство и власти штатов, в ходе своего рыночного соперничества создали все усложняющуюся, пронизанную внутренними зависимостями экономическую систему. Почти все американские политики, руководители бизнеса и публичные эксперты согласны в том, что следующая стадия проникновения рыночных отношений в общество апробируется на острие технологического прогресса – в Сети. Как и в прошлом, «огораживание» новых типов коллективного труда обязательно повысит стандарты жизни и расширит личные свободы внутри США. Нет альтернативы принципу «работа как товар», организующему нынешние производственные отношения.

По иронии судьбы, месть Сен-Симона настигает его ложных последователей в Америке именно сейчас. Как и в бывшем Советском Союзе, постоянный рост производительных сил угрожает доминирующим производственным отношениям.

Социальные и технологические структуры системы компьютерных коммуникаций отнюдь не воплощают апофеоз товарного обмена, они реализуют иную форму коллективного труда – экономику дарения. Если бы индивидов заставили сотрудничать преимущественно через электронную коммерцию, их возможности участия в интерактивном творчестве были бы очень ограничены. Полный потенциал производительных сил Сети может реализоваться только с принятием наиболее продвинутых производственных отношений – киберкоммунизма.

В такие исторические моменты сторонники реакционного модернизма бывают ввергнуты в экзистенциальный кризис. Несмотря на все глубокие идейные разногласия, задача интеллектуалов правого крыла почти всегда одна и та же – экономический прогресс без социального развития. Правящим элитам иногда удается десятилетиями совмещать эти противоречащие друг другу цели реакционного модернизма. Однако непрерывный рост производительных сил в конечном счете подрывает существующие производственные отношения. Рано или поздно сторонники реакционного модернизма оказываются перед трудным выбором: экономический рост или социальный застой. Последователи сталинистского коммунизма, к примеру, столкнулись с этой дилеммой в конце 1980-х. Желая догнать своих западных соседей, большинство восточноевропейских политиков, руководителей экономики и интеллектуалов пошли на разрушение тоталитарного государства, которое их кормило. А вот правящая элита Сербии, напротив, встала на путь разрушения производительных сил. Боясь потерять свое богатство и власть, сербская элита начала войны и «этнические чистки», чтобы заблокировать любой социальный и экономический прогресс. Вместо движения к утопическому будущему это тоталитарное государство выбрало «бегство от модернити»[105].

Внутри США тоже есть мощные группы, отстаивающие реакционный антимодернизм: религиозные фундаменталисты, идеологи превосходства белой расы и оружейное лобби. Как и в Сербии, здесь есть влиятельные люди, готовые пожертвовать экономическим ростом для поддержания существующего социального строя. Однако большинство обладающих богатством и властью хотели бы избежать самой необходимости делать этот выбор. Вместо этого они хотят приспособить реакционный модернизм к эпохе Сети. Внутри американской политики правого крыла неолиберализм высоких технологий давно остается оптимистической альтернативой традиционному консерватизму. Его пророки не только не боятся будущего, но уверенно

предсказывают, что экономический прогресс в конечном счете освободит человечество. Американские неолибералы, по нелепым историческим причинам лишенные возможности использовать обычное слово на букву «Л», называют себя «либертарианцами» – кличка, взятая у революционных левых анархистов.

Эту оптимистическую форму консерватизма легко приспособить для анализа Сети с позиций правого крыла. Например, носители Калифорнийской идеологии по-прежнему считают, что непрерывно идущие перемены в области технологий можно согласовать с консервацией социальной иерархии[106]. Как и их консервативные предшественники, эти гуру часто провозглашают, что столь противоречивые цели будут реализованы мистическими средствами: разумом Геи, постчеловечеством и меметикой. Но важнее, что они отстаивают и практический метод бесконечного продления реакционного модернизма – гибридизацию дара и товара.

Подобно пионерам Дикого Запада, киберпредприниматели хватаются за любые возможности, чтобы застолбить вновь открытый электронный фронтир. Прибыли коммерческих компаний в наше время стремительной конвергенции технологий в Сети зависят от быстрого распространения хайтечной экономики дарения[107]. Программно-аппаратное обеспечение для доступа к Сети может продаваться в качестве товара крупными компаниями: *IBM, Sun, Microsoft*. Обращение бесплатной информации среди пользователей может «огораживаться» в рамках коммерческих сайтов: *AOL, Yahoo! GeoCities*. Вместо того чтобы сопротивляться переменам, *дигерати* должны осваивать кое-какие новые социальные приемы и пожинать материальные выгоды технологического прогресса. Некоторым повезло, и они уже открыли новый способ реализовать американскую мечту: «огораживание» киберкоммунистического труда и преобразование его в собственность цифровых капиталистов[108]. Самое замечательное, что этот причудливый союз противоположностей обеспечил основу для лихорадочных спекуляций акциями интернет-компаний. Каждый акт интерактивного творчества – потенциальный источник прибыли. Если найден правильный гибрид дара и товара, коллективный труд немедленно преобразуется в индивидуальное богатство. Возбужденные стремительным обогащением некоторых киберпредпринимателей, многие американцы сейчас спекулируют на бирже, надеясь на взрывной рост новых компаний, работающих в Сети. «Коммунизм… является лишь обобщением и завершением… частной собственности»[109].

Уже почти тридцать лет пророки неолиберализма в хайтеке

идентифицируют экономический рост с социальным застоем. Во многих секторах они продвигали старомодные методы повышения прибыли: увеличение рабочего дня, понижение зарплаты, ускорение производства, урезание социальных программ и рост загрязнения среды. Однако в Сети эти гуру отстаивают синтез технологических инноваций и социального прогресса. Ведь превращение киберпространства в поле товарного производства и обмена невозможно без некоторой гармонизации с экономикой дарения. Даже рост электронной торговли обеспечивается некоммерческой структурой Сети. Стоимость входа на цифровой рынок так низка благодаря отсутствию проприетарных барьеров. Малые компании теперь могут пользоваться компьютерными коммуникациями, когда-то доступными лишь правительственным агентствам, финансовым структурам и глобальным корпорациям. Избавившись от посредников, многим провайдерам товаров и услуг удается повысить свои прибыли, работая напрямую с поставщиками и потребителями через Сеть. Адепты Калифорнийской идеологии в восторге от такого развития событий – они считают, что самый свободный из всех свободных рынков сейчас держится на общинах киберпространства[110].

Чистота дара

Некоторые активисты левого крыла сейчас пытаются возродить пуристское понимание даров, чтобы противодействовать коммерциализации. Огораживание Сети будет предотвращено, если не допускать компромиссов по поводу коммерческих отношений в ней[111]. Эта революционная позиция вдохновлена радикализмом хиппи 1960-х. Более 30 лет назад многие молодые люди бунтовали против социально-экономических систем и США, и Советского Союза. Материальные выгоды модернити уже не компенсировали политический авторитаризм и культурный конформизм, вносимые индустриализмом. Разочарованные в технологическом будущем, хиппи вдохновлялись трайбализмом прошлого. Многие из них просто вели образ жизни «туристов», но некоторые искали революционную альтернативу современности. Замечательно, что в среде левых интеллектуалов родилась идея обретения утопии на основе экономики дарения, существовавшей у племен Полинезии под названием «потлач»[112].

Для радикальных хиппи эта экономика дарения была полной антитезой капитализму. Вместо накопления излишков индивиды

в примитивных обществах завоевывали престиж, раздавая свое достояние на публичных празднествах. Если рыночная конкуренция требовала отчуждения труда для производства все большего количества товаров и услуг, то потлач, напротив, включал в себя приятный процесс избавления от избыточных ресурсов. В то время как товар современной эпохи приносил с собой иерархии и утилитарность, примитивный дар поощрял равенство и гедонизм. Отвергая «работу как товар», левые хиппи выдвигали новый организационный принцип своего утопического общества: «ненужное как дар»[113].

Спустя много лет этот революционный антимодернизм все еще влияет на анализ компьютерных коммуникаций с радикальных позиций. Появившуюся на самом острие технологического прогресса экономику дарения в Сети легко принять за потлач, рожденный в примитивных обществах. Эти же племенные мотивы можно обнаружить и в танцевальной музыке, «свободных вечеринках», движениях протеста и других формах *DIY*-культуры[114]. Подражая своим старшим товарищам-хиппи, левые активисты Сети подчеркивают автономию этих отношений дарения от коррупции товарного обмена. Отвергая любые формы гибридизации, они отстаивают разрушение частной собственности через пиратство материалов, защищенных копирайтом, – так работает принцип «ненужное как дар». Вместо того чтобы продаваться и покупаться, информация станет свободно доступной каждому участнику онлайнового потлача.

К сожалению, это возрождение революционного антимодернизма имеет и реакционные последствия. Как и в прежние времена, левые интеллектуалы испытывают искушение видеть себя авангардом, возглавляющим непросвещенные массы. Выходцы из промежуточного слоя, они отстаивают «отказ от работы», видя в этом символ собственного превосходства над остальной частью рабочего класса. Уже не имея в наличии Советского Союза, некоторые члены революционного меньшинства все еще извиняются за иностранные диктатуры, которые сопротивляются американской гегемонии. Несмотря на взлет новых информационных технологий, трудно изжить старые политические привычки. Реакционная практика сталинистского коммунизма постоянно создает проблемы для революционной риторики коммунизма хиппи[115].

Американский путь к коммунизму

В самих США мало кто разделяет присущее левым строгое

отношение к «чистоте дара». Со времен завоевания независимости истовая вера в частное предпринимательство лежала в основе концепции американской исключительности. В период холодной войны ни один патриот не мог бы поддержать революционную идеологию врага своей страны. Даже сегодня многим просто ненавистна сама идея социальных программ для населения, рассматриваемых как нечто само собой разумеющееся в других развитых странах[116]. И все-таки те же самые американцы правой политической ориентации радостно участвуют в строительстве киберкоммунизма. Совершенно спонтанно они переходят к тем методам работы, которые наиболее отвечают их собственным интересам. В одних случаях они используют электронную коммерцию, в других случаях предпочитают коллаборацию в хайтечной экономике дарения. Как и все остальные, консервативные американцы выбирают киберкоммунизм из прагматических соображений.

Несмотря на свое пристрастие к колдовским снадобьям свободного рынка, американцы давно предпочитают практическую полезность идеологической корректности. Со времен Токвиля они всегда гордились своим «прагматизмом янки» и скептически относились к теоретическим увлечениям европейцев. В приложении к Сети эта традиция ведет к тому, что большинство американцев игнорируют растущий разрыв между своими политическими верованиями и повседневной деятельностью. Ведь буквальное применение Калифорнийской идеологии моментально лишило бы их многих благ Сети. Разумеется, далеко не все американцы готовы открыто признаться, с каким удовольствием они грешат против национального мифа. В ситуации, когда даже требование создать общественную систему здравоохранения выглядит однозначно левым, подрывные последствия безвозмездного обмена информацией (в форме даров) попросту невообразимы. Без всяких внутренних колебаний Эрик Реймонд может и быть одновременно страстным противником торговли программным обеспечением, и считать себя «нео-языческим либертарианцем [правого крыла], обожающим стрельбу из полуавтоматического оружия»[117].

Киберкоммунизм для американцев – это та любовь, которая не смеет себя назвать. Никто не говорит о том, что делают все. Главное, невозможно даже обсудить историческую значимость коллективного поведения в Сети. В своей повседневной жизни люди всегда делали друг другу подарки. Многие направления социальной активности уже сейчас основываются на деятельности волонтеров и на ресурсах, поступающих в виде пожертвований. *DIY*-культура, это торжество делания-вещей-для-себя во всех

сферах жизни, от политики до музыки. И теперь, в этот момент современности, на взлете Сети, экономика дарения бросает вызов рыночной конкуренции. Ведь только новые производственные отношения могут полностью реализовать социальный и технический потенциал современных производительных сил. Когда цифровые дары находятся в свободном обращении, люди могут участвовать в интерактивном творчестве. Так как информация беспрестанно воспроизводится, объем коллективного труда, воплощенный в каждой копии, быстро снижается до исчезающе малого. При этих социальных и технологических условиях обращение информации в форме даров может быть не только более приятным, но и более эффективным процессом, чем товарный обмен. Признавая выгоды электронной коммерции, американцы с энтузиазмом участвуют в альтернативной форме коллективного труда, представляющей собой киберкоммунизм.

В давние времена отмена капитализма представлялась в апокалиптических терминах: революционные восстания, мобилизация масс и модернизирующие диктатуры. Живым контрастом с этой картиной выглядит киберкоммунизм в США – неприметный каждодневный опыт. Пользователи Сети спонтанно выбирают более приятные и эффективные способы совместной работы. Вместо разрушения рыночной экономики американцы включились в медленный процесс вытеснения капитализма, смены его на нечто иное. В этом диалектическом движении либералы хайтека совершенствуют существующие производственные отношения, разрабатывая электронную коммерцию: «работа как товар». В ответ на это огораживание в киберпространстве активисты левого крыла разрушают информационную собственность в рамках онлайнового потлача по принципу «ненужное как дар». Для тех, кто ностальгирует по идейной определенности, компромисса между столь противоречивыми картинами Сети быть не может.

Тем не менее по прагматическим причинам синтез этих диалектических противоположностей должен состояться. Пользователи Сети все больше выигрывают от совместной работы на основе обмена дарами, чем от участия в электронной коммерции. Живущие в процветающем обществе американцы часто бывают мотивированы уже не только монетарным вознаграждением. Если им хватает денег и времени, они готовы работать ради одного только уважения со стороны коллег. Все большее число людей удовлетворяют в сетевых сообществах свою потребность в профессиональном признании. Индивиды, вносящие отличный вклад в коллективные проекты, получают

похвалы и дружеское отношение от товарищей по сообществу. Подъем производительных сил внутри Сети стимулирует более продвинутую форму коллективного труда: «работа как дар»[118].

«…Работа рождается из Желания Признания… и она сохраняется и развивается в связи именно с этим Желанием»[119].

Диалектический процесс вытеснения капитализма отмечен развитием разных видов синтеза дара и товара внутри Сети. В этот переходный период нельзя рассчитывать ни на полностью открытый коллективный труд, ни на полное его огораживание, то есть включение в товарное производство. Если не находится верное сочетание этих двух вариантов, индивиды, работающие над коллективным проектом, могут быстро уйти из него в более подходящие области киберпространства. Иногда они будут искать монетарного вознаграждения. Во многих случаях они предпочтут ему свободу автономного труда. В зависимости от обстоятельств, оба эти желания должны быть в той или иной степени реализованы в успешном сочетании дара и товара. В течение последних двухсот лет узы родства и дружбы одновременно и подавляли, и давали опору обезличенным отношениям, которые необходимы для быстрого экономического роста. Современное всегда сосуществовало с традиционным. Сейчас, в эпоху Сети, товарный обмен одновременно усиливается и блокируется обращением даров. Современное должно войти в синтез с гиперсовременным.

Гуру Калифорнийской идеологии делают особый акцент на сохранении социальной иерархии в рамках этих гибридных производственных отношений в Сети. Уже сейчас успешные киберпредприниматели начинают свою карьеру с бесплатной раздачи своих наиболее востребованных продуктов. Если бренд получает широкое распространение, они надеются заработать на предоставлении пользователям сервисов и дополнительных продуктов. Некоторые счастливчики-*дигерати* могут серьезно разбогатеть, продавая акции спекулянтам на Уолл-стрит[120]. Однако даже в этом консервативном синтезе дара и товара копирайт перестал быть необходимым условием для информационного производства. Потребителя теперь можно завоевать только при помощи рекламных образцов. Не видя способа сопротивляться техническим возможностям цифровой конвергенции, некоторые неолиберальные идеологи признают, что копирайт может в конце концов исчезнуть[121]. Поскольку плагиат скоро станет повсеместным, киберпредприниматели должны взять на вооружение иные способы коммодификации Сети: сервисы в реальном времени, рекламу, мерчандайзинг. Аристократия хайтека может защитить свои привилегии, только

непрерывно делая подарки массам.

Эта гибридизация производственных отношений превалирует в индустриях хайтека. К примеру, многие находят работу, только пройдя ученичество в сетевых сообществах. Если их работа пользуется уважением у коллег по сообществу, они могут попасть в возникающую прослойку цифровых ремесленников, которых часто нанимают компании электронной коммерции. Даже за пределами мира академической науки дарение информации помогает продать свой труд.

Согласно пророчествам Сен-Симона, инновационные работники в продвинутых индустриях должны первыми создавать экономические и культурные условия для социального освобождения. Промежуточная прослойка – это авангард современности. Верные своей роли, цифровые ремесленники совершают многочисленные технологические и эстетические прорывы. Несмотря на то что они вынуждены продавать свои творческие способности за деньги, их методы работы часто основаны на равноправии и сотрудничестве. Прослойка опять, как когда-то, изобретает будущее.

Однако стремительно наступающая современность вытесняет уже и этот синтез. Героическое меньшинство теперь действует не в одиночку. После двух столетий экономического роста самые обыкновенные люди тоже научились использовать продвинутые производственные отношения. Совместная работа в Сети на основе обращения даров – повседневный опыт миллионов сегодня. Индивиды совместно трудятся не только на рабочих местах, но и в свободное время в коллективных проектах. Работа, при которой не надо немедленно расплачиваться за ошибки, как на конкурентном рынке, сама все в большей степени становится даром. Чтобы вести массы в будущее, уже не нужно просвещенное меньшинство. Ведь большинство пользователей Сети и так вовлечены в производственные отношения киберкоммунизма. Каждый день они отправляют электронные письма, участвуют в рассылках, создают веб-сайты, пишут в новостные группы и участвуют в онлайновых конференциях. Не имея необходимости продавать информацию в качестве товара, они спонтанно работают вместе на основе обращения даров. Политики, топ-менеджмент и публичные эксперты во всем мире вдохновлены стремительным распространением электронной коммерции в США. Загипнотизированные неолиберальной идеологией, они не замечают, что бóльшая часть информации уже циркулирует в Сети в форме даров. Американцы, вовлеченные в вытеснение и смену капитализма, успешно строят в современном мире утопическое будущее: киберкоммунизм.

«Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества… Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства… в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»[122].

Диалектика киберкоммунизма

Исходное явление:
«работа как товар»
электронная торговля
реакционный модернизм

Отрицание:
«ненужное как дар»
потлач
революционный антимодернизм

Отрицание отрицания:
«работа как дар»
изобилие
революционный модернизм

Литература

Белл – Белл Даниэл. Грядущее постиндустриальное общество / Пер. с англ. В. Иноземецева. М.: Academia, 2004.

Джилас – Джилас Милован. Новый класс. Нью-Йорк: 1961.

Кейнс – Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999.

Кожев – Кожев Александр. Введение в чтение Гегеля / Пер. с фр. А. Погоняйло. Спб.: Наука, 2003.

Маклюэн – Маклюэн Маршалл. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2007.

Реймонд I – Реймонд Эрик. Заселяя ноосферу / Пер. П. Протасов. http://bugtraq.ru/law/articles/noo/part2.html.

Реймонд II – Реймонд Эрик. Собор и Базар. http://www.linuxcenter.ru/lib/articles/ideology/cathedral_bazaar1.phtml.

Сталин – Сталин И. В. Итоги первой пятилетки: доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. // И. В. Сталин. Полное собрание сочинений. Т. 13. М.: ГИПЛ, 1951.

Фукуяма – Фукуяма Фрэнсис. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007.

Энгельс – Энгельс Фридрих. Развитие социализма от утопии к науке.

Albert – Michel Albert. Capitalism v. Capitalism. New York, Four Wall Eight Windows, 1993.

ANTI-Rom – www.antirom.com.

Barbrook 1995 – Richard Barbrook. Media Freedom: the contradictions of communications in the age of modernity. London, Pluto, 1995.

Barbrook 1996 – Richard Barbrook. The Pinnochio Theory // www.imaginaryfutures.net/2007/04/08/pinnochio-theory-by-richard-barbrook.

Barbrook 2001 – Richard Barbrook. The Holy Fools: revolutionary elitism in cyberspace // www.imaginaryfutures.net/2007/04/13/the-holy-fools-long-mix-by-richard-barbrook.

Barlow – John Perry Barlow. The Economy of Ideas: a framework for rethinking patents and copyrights in the digital age (everything you know about digital property is wrong) // *Wired*, March 1994, Vol. 2. Num. 3.

Baudrillard – Jean Baudrillard. The Mirror of Production. St. Louis, Telos, 1975.

Bellamy – Edward Bellamy. Looking Backward. London, Penguin, 1982.

Berlet – Chip Berlet. Armed Militias, Right Wing Populism & Scapegoating. Somerville, Political Research Associates, 1995.

Berners-Lee 1996 – Tim Berners-Lee. The World Wide Web: Past, Present and Future // www.w3.org/People/Berners-Lee/1996/ppf.html.

Berners-Lee 1998 – Tim Berners-Lee. Realising the Full Potential of the Web // www.w3.org/1998/02/Potential.html.

Brass – Elaine Brass and Sophie Koziell with Den-ise Searle (ed.). Gathering Force: DIY culture – radical action for those tired of waiting. London, Big Issue, 1997.

Brinton – Crane Brinton. The Jacobins: an essay in the new history. New York, Russell and Russell, 1961.

Brunner – John Brunner. The Shockwave Rider. London, Methuen, 1975.

Burnham – James Burnham. The Managerial Revolution. London, Penguin, 1945.

Callenbach – Ernest Callenbach. Ecotopia. New York, Bantam, 1975.

Chesterman – John Chesterman and Andrew Lipman. The Electronic Pirates: DIY crime of the century. London, Comedia/ Routledge, 1988.

Coriat – Benjamin Coriat. L'Atelier et le Robot. Paris, Christian Bourgois Éditeur, 1990.

Critical Art Ensemble – Critical Art Ensemble. Electronic Civil Disobedience and Other Unpopular Ideas. New York, Autonomedia, 1996.

Cusumano – Michael Cusumano and David Yoffie. Competing on Internet Time: lessons from Netscape and its battle against Microsoft. New York, Free Press,1998.

Davis 1990 – Mike Davis. City of Quartz. London, Verso, 1990.

Davis 1992 – Mike Davis. Urban Control: the Ecology of Fear. New Jersey, Open Magazine, 1992.

Delmas – Philippe Delmas. Le Maître des Horloges. Paris, Éditions Odile Jacob, 1991.

Downing – John Downing. Radical Media. Boston, South End Press, 1984.

Dyson 1995 – Esther Dyson. Friend and Foe // *Wired*, 3.08, August 1995. P. 106–112, 160–162.

Dyson 1997 – Esther Dyson. Release 2.0: a design for living in the digital age. London, Viking, 1997.

Elger – Tony Elger. Valorisation and «Deskilling»: a critique of Braverman // *Capital & Class*, 7, Spring 1979.

Elliott – Larry Elliott. Rise and Rise of the Super-Rich // *The Guardian*, G2 section, 14th Jule 1999.

Extropians – The Extropians. F.A.Q. // www.ulti-m8team.com/modules/future/extropy_faq.php.

Frow – John Frow. Information as Gift and Commodity // *New Left Review*, N 219, September/October 1996.

Garratt – Sheryl Garratt. Adventures in Wonderland: a decade of club culture. London, Headline, 1998.

Gates – Bill Gates. The Bill Gates Column // *The Guardian*, 20 Jule 1995. P. 14.

Geise – Mark Geise. From ARPAnet to the Internet: a cultural clash and its implications in framing the debate on the information superhighway // Lance Strate, Ron Jacobson and Stephanie B. Gibson (eds.). Communications and Cyberspace: social interaction in an electronic environment. New Jersey, Hampton Press, 1996.

Ghosh – Rishab Ghosh. Cooking Pot Markets: an economic model for the trade in free goods and services on the Internet // *First Monday*, Vol. 3. Num. 3. 2nd March 1998.

Gibson & Sandfort – William Gibson. Disneyland with the Death Penalty, Sandy Sandfort. The intelligent island // *Wired*, 1.4, September/October 1993. P. 51–55, 114–115.

Gorz – André Gorz. Critique of Economic Reason. London, Verso, 1989.

Greenwald – John Greenwald. Heroes of a Wild and Crazy Stock Ride // *Time*, 3rd August 1998.

Hagstrom – Warren Hagstrom. Gift Giving as an Organisational Principle in Science // Barry Barnes and David Edge (ed.). Science in Context: readings in the sociology of science. Milton Keynes, Open University, 1982.

Hall Stuart – Hall and Martin Jacques (eds.). New Times: the changing face of politics in the 1990s. London, Lawrence & Wishart, 1989.

Hamman – Robin Hamman. Computer Networks Linking Network Communities: effects of computer network use upon pre-existing communities // http://cyber-soc.blogs.com/mphil.html.

Hayes – Dennis Hayes. Behind the Silicon Curtain. London, Free Association Books, 1989.

Herf – Jeffrey Herf. Reactionary Modernism: technology, culture and politics in Weimar and in the Third Reich. Cambridge, Cambridge University Press, 1984.

Hudson – David Hudson. There's No Government Like No Government (interview with Louis Rossetto) // *San Francisco Bay Guardian*, 6th November 1996, P. 30–34.

Hyde – Lewis Hyde. The Gift: imagination and the erotic life of property. London, Vintage, 1999.

Hypermedia Research Centre: www.hrc.wmin.ac.uk.

Israel – Jerry Israel (ed.). Building the Organisational Society: Essays on Associational Activities in Modern America. New York, Free Press, 1972.

James – Martin James. State of Bass: Jungle – the story so far. London, Boxtree, 1997.

Kadlec – Daniel Kadlec. Internet Mania // *Time*, 18th January 1999.

Kapor – Mitch Kapor. Where is the Digital Highway Really Heading? // *Wired*, 1.3, Jule/August 1993.

Katsiaficas – George Katsiaficas. The Imagination of the New Left: a Global Analysis of 1968. Boston, South End Press, 1987.

Katz – Jon Katz. The Digital Citizen // *Wired*, December 1997. Vol. 5, Num. 12.

Kelly 1994 – Kevin Kelly. Out of Control: the new biology of machines. London, Fourth Estate, 1994.

Kelly 1997 – Kevin Kelly. New Rules for the New Economy: twelve dependable principles for thriving in a turbulent world // *Wired*, September 1997. Vol. 5. Num. 9.

Kleinman – Neil Kleinman. Don't Fence Me In: Copyright, Property and Technology // Lance Strate, Ron Jacobson and Stephanie B. Gibson (eds.). Communications and Cyberspace: social interaction in an electronic environment. New Jersey, Hampton Press, 1996.

Kohn – Alfie Kohn. Studies Find Reward Often No Motivator // www.gnu.org/philosophy/motivation.html

Kollock – Peter Kollock. The Economics of Online Cooperation: gifts and public goods in cyberspace // Marc Smith and Peter Kollock (eds.). Communities in Cyberspace. London, Routledge, 1999.

Kroker – Arthur Kroker and Michael Weinstein. Data Trash: the theory of the virtual class. Montreal, New World Perspectives, 1994.

Lang – Bernard Lang. Free Software For All: freeware and the issue of intellectual property // *Le Monde Diplomatique*, January 1998.

Leonard I – Andrew Leonard. Mutiny on the Net // *Salon*, web.archive.org/web/20080517104846/http://www.salonmagazine.com/21st/feature/1998/03/cov_20feature.html.

Leonard II – Andrew Leonard. Let My Software Go! // *Salon*, March 1998 http://www.salon.com/1998/03/30/feature947788266.

Leonard III – Andrew Leonard. The *Really* New Economy: Red Hat's IPO // *Salon*, http://www.salon.com/1999/06/09/red_hat.

Linux – Linux Online, *F.A.Q.* http://www.brunel.ac.uk/~eestmml/Linux99.htm.

Lipietz 1984 – Alain Lipietz. L'Audace ou l'Enlisement. Paris, Éditions La Découverte, 1984.

Lipietz 1987 – Alain Lipietz. Mirages and Miracles. London, Verso, 1987.

Lipset – Seymour Martin Lipset. American Exception-alism: a double-edged sword. New York, W. W. Norton, 1996.

Mallet – Serge Mallet. The New Working Class. Nottingham, Spokesman Books, 1975.

Marchand – Michel Marchand. The Minitel Saga: A French Success Story. Paris, Larousse, 1988.

Marcus – Tony Marcus. The War is Over // *Mix-mag*, August 1995.

May I–Christopher May. Thinking, Buying, Selling: Intellectual Property Rights in Political Economy // *New Political Economy*, 1998, Volume 3, Number 1.

May II–Christopher May. Capital, Knowledge and Ownership: the «information society» and intellectual property // *Information, Communication & Society*, Autumn 1998, Volume 3, Number 1.

McKay – George McKay (ed.). DiY Culture: party & protest in 1990s Britain. London, Verso, 1998.

McLuhan – Marshall McLuhan and Quentin Fiore. The Medium is the Massage. London, Penguin, 1967.

Midnight Notes Collective – Midnight Notes Collective. Introduction to the New Enclosures // *Midnight Notes*, no. 10, Fall 1990, pages 1–9.

Miller – John Miller. The Wolf by the Ears: Thomas Jefferson and Slavery. New York, Free Press, 1977.

Negri 1979 – Toni Negri. Capitalist Domination and Working Class Sabotage // Red Notes (ed.). «Working Class Autonomy and the Crisis: Italian Marxist Texts of the Theory and Practice of a Class Movement 1964–79». London, Red Notes/CSE Books, 1979.

Negri 1988 – Toni Negri. Revolution Retrieved: selected writings on Marx, Keynes, capitalist crisis & new social subjects 1967–83. London, Red Notes, 1988.

Nora and Minc – Simon Nora and Alain Minc. The Computerisation of Society. Cambridge Massachusetts, MIT Press, 1980.

Palfreman – Jon Palfreman and Doron Swade. The Dream Machine: exploring the computer age. London, BBC, 1991.

Perovic – Latinka Perovic. The Flight from Modernity // *Bosnia Report*, 28th May 1999. http://www.bosnia.org.uk/news/news/280599_1.cfm.

Peterson – Merill Peterson (ed.). The Portable Thomas Jefferson. New York, Viking Press, 1975.

Porter – Vincent Porter. Wanted: a new international law to protect intellectual property rights on the GII // *Intermedia*, August/September 1995. Vol. 23. Num. 4.

Porterfield – Keith Porterfield. Information Wants to be Valuable: a report from the first O'Reilly Perl conference [19th-21st August 1997] // www.netaction.org/articles/freesoft.html.

Progress and Freedom Foundation – Progress and Freedom Foundation. Cyberspace and the American Dream: A Magna Carta for the Knowledge Age // www.pff.org/issues-pubs/futureinsights/fi1.2magnacarta.html.

Reich 1970 – Charles Reich. The Greening of America. New York, Random House, 1970.

Reich 1991 – Robert Reich. The Work of Nations: a blueprint for the future. London, Simon & Schuster, 1991.

Rheingold – Howard Rheingold. The Virtual Community: finding connection in a computerized world. London, Secker & Warburg, 1994.

Robinson – Kim Stanley Robinson. Pacific Edge. London, Grafton, 1990.

Rossetto – Louis Rossetto. 19th Century Nostrums Are Not Solutions to 21st Century Problems: a trans-atlantic jet streamer on European ideology and political eternal returns // *Mute*, Winter/Spring 1996. Num. 4. P. 17.

Rostow – Walt Rostow. The Stages of Economic Growth: a non-communist manifesto. Cambridge, Cambridge University Press, 1960.

Rubin – Jerry Rubin. An Emergency Letter to my Brothers and Sisters in the Movement // Peter Stansill and David Zane Mairowitz (eds.). BAMN: Outlaw Manifestos and Ephemera 1965–70. London, Penguin, 1971.

Saint-Simon – Henri de Saint-Simon. Sketch of the New Political System // Henri Saint-Simon 1760–1825: selected writings on science, industry and social organization. London, Croom Helm, 1975. P. 198–206.

Schaffer – Simon Schaffer. Babbage's Intelligence: Calculating Engines and the Factory System // www.imaginaryfutures.net/2007/04/16/babbages-intelligence-by-simon-schaffer.

Schiller – Herbert Schiller. The Global Information Highway // James Brook and Iain Boal (eds.). Resisting the Virtual Life: the culture and politics of information. San Francisco, City Lights, 1995.

Schwartz – Peter Schwartz. Shock Wave (Anti) Warrior // *Wired*, 1.5, November 1993. P. 61–65, 120–122.

Situationist International – Situationist International. The Beginning of An Era // Ken Knabb (ed.). Situationist International Anthology. Berkeley, Bureau of Public Secrets, 1981.

Stern – Gerald Emanuel Stern (ed.). McLuhan: hot & cool. London, Penguin, 1968.

Walker – Richard Walker. California Rages Against the Dying of the Light // *New Left Review*, 209, January-February 1995. P. 42–74.

Whyte – William Whyte. The Organization Man. New York, Simon

& Schuster, 1956.

Wilstach Paul Wilstach. Jefferson and Monticello. London, William Heinemann, 1925.

Winston – Brian Winston. Media, Technology and Society. London, Routledge, 1998.

Wolf – Gary Wolf. The Curse of Xanadu // *Wired* UK, June 1995.

Žižek – Slavoj Žižek. The Spectre is Still Roaming Around: an introduction to the 150th anniversary edition of the Communist Manifesto. Zagreb, Arkzin, 1998.

Zuboff – Shoshana Zuboff. In the Age of the Smart Machine: the future of work and power. New York Heinemann, 1988.

Респект

Андрей Скерлеп (Andrej Skerlep), Энди Алленсон (Andy Allenson), Энди Кэмерон (Andy Cameron), Кристофер Мэй (Christopher May), Дик Паунтейн (Dick Pountain), Джон Армитедж (John Armitage), Джон Бейкер (John Barker), Хелен Барбрук (Helen Barbrook), Джим Маклеллан (Jim McLellan), Джон Баркер (John Barker), Джон Уайвер (John Wyver), Лэнс Стрейт (Lance Strate), Лес Левидоу (Les Levidow), Лютер Блиссет (Luther Blissett), Мейрен Хартман (Maren Hartmann), nettime, Рианнон Паттерсон (Rhiannon Patterson), Ришаб Гхош (Rishab Ghosh), Робин Хамман (Robin Hamman), Ройя Якоби (Roya Jakoby), Саймон Шаффер (Simon Schaffer), Вук Косич (Vuk Cosic), Уорвик Меткалф (Warwick Metcalfe), сотрудники и студенты Центра исследований гипермедиа лондонского Университета Вестминстера.

notes

Примечания

1

Знаменитый афоризм Гегеля (см. «Основы философии права»: «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, а можно только понять. Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»). Чаще всего трактуется в том смысле, что понимание приходит поздно, другое распространенное значение – внезапное ночное озарение. *(Прим. пер.)*

2

Cyberia, по-английски название звучит почти как *Siberia* (Сибирь). *(Прим. пер.)*

3

Дотком – *dotcom*, интернет-компания (от стандартного окончания веб-адреса коммерческих компаний – *.com*). *(Прим. пер.)*

4

Невмешательство государства в дела бизнеса. *(Прим. пер.)*

5

Знаменитое *Medium is the message. (Прим. пер.)*

6

Право собственности на тексты и медийную продукцию, *copyright. (Прим. пер.)*

7

Ushtria Çlirimtare e Kosovës – Армия освобождения Косово. *(Прим. пер.)*

8

См. в «Киберкоммунизме» ссылку на статью Латинки Перович (Latinka Perovic). *(Прим. пер.)*

9

Статья написана в соавторстве с Энди Кэмероном.

10

Более двадцати пяти лет специалисты предсказывают неизбежное наступление информационной эпохи – см. Ален Турен «Постиндустриальное общество»; Збигнев Бжезинский «Между двух эпох»; Даниэл Белл «Грядущее постиндустриальное общество»; Элвин Тоффлер «Третья волна»; Симон Нора и Ален Минк «Компьютеризация общества»; Итиль де Сола Пул «Технологии свободы». *(Здесь и далее, кроме специально отмеченных – прим. автора.)*

11

См. доклад Мартина Бангеманна «Европа и глобальное информационное общество», а также программу и тезисы докладов на веб-сайте конференции *Virtual Futures* «*95*» http://virtualfutures.co.uk/conferences/1995/.

12

См. *Kapor*.

13

См. *Davis* 1990; *Walker*, а также записи *Ice-T, Snoop Dog, Dr Dre, Ice Cube, NWA* и многих других рэперов Западного побережья.

14

См. *Katsiaficas.* С. 124.

15

Rubin. С. 244. (*Прим. автора*). Йиппи *(Yippies)* – члены Международной партии молодежи *(Youth International Party)*, одной из влиятельных групп в среде американских новых левых в конце 1960-х – начале 1970-х годов. *(Прим. пер.)*

16

По поводу ключевой роли поп-культуры в самоидентификации американских новых левых см. *Katsiaficas, Reich* 1970. Описание жизни «белых воротничков» в Америке 1950-х см. *Whyte*.

17

В одном романе-бестселлере середины 1970-х северная часть Западного побережья отделялась от США и там возникала утопия хиппи (*Callenbach*). Эта идеализация жизни локальных сообществ Калифорнии также присутствует в *Brunner* и даже в более поздних работах, см., например, *Robinson*.

18

Анализ попыток создать прямую демократию при помощи медиа технологий см. в *Barbrook* 1995. С. 75–189.

19

См. *Маклюэн.* А также *McLuhan; Stern.*

20

См. *Downing*.

21

Kroker. С. 15. Этот анализ следует исследованиям тех футурологов, которые считали «работников знания» зародышем нового правящего класса, см. *Белл*, а также экономистов, предполагавших, что при глобализованном капитализме «символьные аналитики» будут составлять большинство трудовых ресурсов, см. *Reich* 1991. Напротив, в 1960-х некоторые теоретики из новых левых считали, что эти научно-технические работники ведут борьбу за социальное освобождение, реализуя свои профессиональные функции на фабриках и требуя самостоятельного управления своей работой (см. *Mallet*).

22

Описание работы по контракту в Кремниевой долине см. у *Hayes*, художественная проза на ту же тему – роман Дугласа Коупленда «Работы Майкрософта». Более теоретические исследования постфордистской организации труда: *Lipietz* 1984; *Lipietz* 1987; *Coriat*, а также в статьях и книгах Тони Негри.

23

Как указывает Сеймур Мартин Липсет, антигосударственный либерализм был и до сих пор остается основой политики и американских левых, и американских правых: «Эти [либеральные] ценности проявились в двадцатом веке в том очевидном факте, что в Соединенных Штатах не было не только приемлемой социалистической партии, но так и не появилась партия консерваторов (тори) в британском или европейском стиле». См. *Lipset.* С. 31–32.

24

См. *Zuboff*. Разумеется, этот анализ основан на первом томе «Капитала» и «Очерке критики политической экономики» Карла Маркса.

25

См. *Rheingold*, а также личный веб-сайт Говарда Рейнгольда www.rheingold.com.

26

См. восторженное интервью *Wired* с Тоффлерами в *Schwartz*; чтобы убедиться в характерном для этого журнала двусмысленном отношении к реакционной политической программе спикера Палаты представителей, см. также интервью Эстер Дайсон с Ньютом Гингричем «Свой и чужой» в *Dyson* 1995.

Progress and Freedom Foundation. C. 5.

См. *Kelly* 1994, а также критику этой книги в *Barbrook* 1996.

29

Тоффлер и его друзья также с гордостью заявляют, что «Америка… остается страной индивидуальной свободы, и эта свобода очевидным образом распространяется на киберпространство», см. *Progress and Freedom Foundation*, С. 6, а также *Kapor*.

Подробнее см. *Schaffer*.

31

См. *Palfreman*, С. 32–36, из-за отсутствия государственной поддержки нацистская Германия упустила возможность построить первый в мире электронный компьютер. В 1941 году германское Верховное командование отказало в дальнейшем финансировании Конраду Цузе (Konrad Zuze), который был пионером применения двоичного кода, хранимых в памяти программ и электронных логических вентилей.

От *Do It Yourself (англ.)*, сделай сам. *(Прим. пер.)*

33

Как сказал секретарь президента Клинтона по вопросам труда: «Вспомните, что в послевоенный период Пентагон без лишнего шума отвечал за помощь американским корпорациям в развитии технологий реактивных двигателей, корпусов самолетов, транзисторов, интегральных схем, новых материалов, лазеров, оптического волокна… Пентагон и 600 национальных лабораторий, которые работают с ним и Министерством энергетики, – это ближайший американский аналог широко известного японского Министерства международной торговли и промышленности». *Reich* 1991. С. 159.

34

Описание того, как эти культурные инновации возникли из развития кислотной сцены раннего периода, см. в «Электропрохладительном кислотном тесте» Тома Вулфа. Интересно, что одним из водителей знаменитого «Автобуса веселых шутников» был Стюарт Брэнд (Stewart Brand), ныне один из ведущих авторов *Wired*.

35

Деннис Хейс указывает, что Пентагон призывал американскую компьютерную индустрию создавать картели для защиты от иностранной конкуренции (см. *Hayes*). Глава *Microsoft* признавал, что он поздно осознал «огромные структурные изменения», вызванные появлением Сети (см. *Gates*).

36

См. личный веб-сайт Говарда Рейнгольда, а также статью Капора (*Kapor*). Несмотря на либертарианские инстинкты обоих этих авторов, их любовь с первого взгляда к эпохе отцов-основателей разделяют неофашистские движения «Милиция» *(«Militia»)* и «Патриот» *(«Patriot»),* см. *Berlet.*

37

Ср. герои-хакеры в романах Уильяма Гибсона «Нейромант», «Граф ноль» и «Мона Лиза овердрайв» или в «Зеркальных очках» Брюса Стерлинга. Прототип этой категории антигероев – Декард, экзистенциальный охотник за репликантами из «Бегущего по лезвию» (реж. Ридли Скотт, 1981).

38

Томас Джефферсон считал, что черные не могут быть участниками локковского социального контракта, связывающего воедино граждан Американской республики. Комментатор так объясняет его лицемерное философское обоснование этой расистской позиции: «Права человека… теоретически, в идеале, пусть и принадлежащие каждому по праву рождения, в Соединенных Штатах применялись на практике только к белым: черные рабы были исключены из рассмотрения, так как, даже при допущении, что они тоже человеческие существа, они были еще и собственностью, а там, где право собственности противоречило правам человека, приоритет отдавался собственности» (*Miller*. С. 13). Оппозиция Джефферсона рабству была в лучшем случае риторической. В письме от 22 апреля 1820 года он лицемерно аргументировал, что лучшим способом стимулировать отмену рабства была бы легализация частного владения людьми во всех штатах Союза и на фронтирных территориях! Он утверждал, что «рассредоточение по большей территории сделает их индивидуально более счастливыми и, соответственно, поможет достижению эмансипации, за счет разделения бремени на большее число коадъюторов [рабовладельцев]» (*Peterson*. С. 568). Описание жизни на его плантации см. также в *Wilstach*.

От *welfare (англ.)* – социальные пособия. (*Прим. пер.*)

40

См. *Dyson* 1995. Для Фонда прогресса и свободы Эстер Дайсон работала вместе с Тоффлерами над статьей «Киберпространство и американская мечта» – футуристическим манифестом, рассчитанным на привлечение для Гингрича голосов виртуального класса (см. *Progress and Freedom Foundation*).

41

О росте укрепленных пригородов см. *Davis* 1990, *Davis* 1992. Эти «пригороды за воротами» стали прообразом бесчеловечного «заднего плана» для многих романов киберпанка, например «Лавины» Нила Стивенсона.

42

См. *Hayes*.

43

См. *Wilstach.*

Развернутое изложение этой футуристической программы см. в *Extropians*.

45

См. статьи Уильяма Гибсона «Диснейленд с высшей мерой» и Сэнди Сэндфорт «Разумный остров» (*Gibson & Sandfort*). Эти статьи направлены против Сингапура, но ирония в том, что настоящий Диснейленд находится в Калифорнии, в которой репрессивная система наказаний включает смертную казнь!

46

О докладе, который привел к решению создать «Минитель», см. *Nora and Minc*. Отчет о первых годах «Минитель» можно найти в *Marchand*.

47

Согласно опросу, проведенному во время президентских выборов 1995 года, 67 % французского населения поддерживают утверждение «государство должно больше участвовать в экономической жизни нашей страны».

48

О влиянии якобинства на французские концепции демократических прав см. *Barbrook* 1995. Некоторые французские экономисты заявляют, что совершенно иная [чем у США] история Европы создала специфичную – и социально более совершенную – модель капитализма. См. *Albert; Delmas*.

49

Как сказал сам Джон Мейнард Кейнс, «„Рытье дыр в земле“, оплачиваемое за счет сбережений, увеличит не только занятость, но и реальный национальный дивиденд, состоящий из полезных товаров и услуг» (*Кейнс*. С. 206).

50

Лондонский диджей Голди (Goldie) говорит: «Нам надо это двигать вперед, и мы берем драм-н-бейс и толкаем, толкаем, толкаем. Помню, как мы говорили, что дальше толкать некуда, но с тех пор протолкнули в десять раз дальше» *(Marcus)*.

51

Информацию об *ANTI-Rom* и *J's Joint* см. на веб-сайтах *ANTI-Rom* и *Hypermedia Research Centre. (Прим. автора.)*

Название *J's Joint* («Забегаловка Джея») связано с тем, что веб-сайт был посвящен популярной музыкальной группе Jamiroquai под руководством Джея Кея (Jay Kay), любившего сигареты с марихуаной *(joint)*. Сайт создали сотрудники Центра изучения гипермедиа, работа была поддержана грантом от компании *Sony. (Прим. пер.)*

Saint-Simon. C. 203.

53

См. *Hall.*

Hudson. C. 30.

См. *Greenwald*.

Kadlec, С. 1.

См. *Elliott*.

См. *Herf*.

См. *Elger*.

Israel. C. 2–3.

61

См. *Burnham*.

См. *Kroker*.

63

См. *Rossetto*.

См. *Brinton; Barbrook* 1995.

Saint-Simon. C. 280.

Подробнее см. Карл Маркс. Очерк критики политической экономии.

67

См. В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский.

См. В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть, а также Н. Бухарин. Экономика переходного периода.

Сталин. С. 541–542.

См. *Джилас*.

См. *Rostow*.

Hudson. C. 33.

См. *Katz.* С. 71–72.

См. *Schiller; Winston.* С. 321–336.

См. *Джилас.* С. 41–42.

См. *Реймонд I.*

См. *Negri* 1988.

См. *Gorz*.

Карл Маркс. Очерк критики политической экономии.

Hagstrom. C. 29.

Ghosh. C. 10.

Geise. C. 126–132.

Berners-Lee 1996. C. 11.

Таковы постулаты экономических теорий Адама Смита и Давида Рикардо.

См. *Midnight Notes Collective*.

86

См. *May 1.* С. 68–73.

Карл Маркс. Капитал. Том первый.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. *(Прим. пер.)*

См. *May 2; Frow; Porter.*

См. *Wolf*.

См. *Ghosh; Lang.*

См. *Berners-Lee* 1998. С. 5.

Kleinman. C. 76.

См. *Rheingold.* С. 12; *Hamman.*

См. *Ghosh; Kollock.*

Rheingold. C. 12.

См. *Berners-Lee* 1996.

См. *Leonard 2.*

99

См. *Porterfield*.

См. *Linux*.

101

Реймонд 2. С. 7.

Chesterman; Leonard 1.

103

См. *Garratt; James.*

104

См. *Leonard* 1.

105

См. *Perovic*.

106

См. статью «Калифорнийская идеология» в настоящем издании.

107

См. *Kelly* 1997.

108

См. *Leonard* 3.

109

Карл Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844.

См. *Kelly* 1994; *Hudson; Dyson* 1997.

111

См. *Critical Art Ensemble*.

112

Подробнее см. в трудах французского этнографа Марселя Мосса, в частности его знаменитый «Очерк о даре».

113

См. подробнее *Situationist International; Baudrillard; Negri* 1979.

См. *Brass; McKay.*

115

См. *Barbrook* 2001.

См. *Lipset.*

Leonard 2. C. 2.

См. *Kohn; Leonard* 2.

119

Кожев. С. 230.

120

См. *Cusumano; Leonard 3.*

121

См. *Barlow*.

Карл Маркс. Очерк критики политической экономии.